Ю. М. Антонян*

НЕКРОФИЛЬСКИЕ УБИЙЦЫ

Аннотация. *Статья посвящена преступлениям, которые еще практически не выделялись в отечественной науке в качестве объекта самостоятельного исследования. Это некрофильские убийства. Эти убийства совершаются теми, кто любят смерть, видят в ней продолжение своего существования, горят желанием узнать, что она представляет собой, она их влечет к себе. Поэтому они с легкостью и без угрызений совести убивают. Другая часть как бы укрывается в чужой смерти. Какие-либо статистические данные о таких людях и совершенных ими преступлениях отсутствуют, они вообще никогда не выделялись в качестве самостоятельной научной проблемы. Поэтому в статье приводятся различные случаи убийств, которые отнесены автором к числу некрофильских. Эти преступления совершены в разное время, разными людьми и в разных местах, но их всех объединяет влечение к смерти, которое носит бессознательный характер в том смысле, что совершившие их не понимают, почему они это сделали и что ими двигало. Некоторые называют какие-то внешние силы, которые якобы толкали на совершение убийств.*
Фабулы проанализированных общественно опасных деяний, рассказы тех, кто их совершил, авторские комментарии и оценки не оставляют никаких сомнений в том, что такие некрофильские действия — реальность. Все это требует не только выделения в науке названной криминологической категории, но и установления особо строгих мер наказания. Соответствующие предложения содержатся в статье. Их реализация может иметь особое значение для практики. Каждый раз может возникать задача, является ли данное убийство некрофильским, особенно если оно переплетается с другими мотивами. Перечень некрофильских особенностей убийц дается в заключении статьи.

Ключевые слова: *некрофилия, влечение к смерти, страх смерти, убийство, некрофильское убийство, убийцы, симуляция, черты некрофильских убийц, мотив некрофильского убийства, отношение некрофильского убийцы к содеянному.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.116.7.200-224

Греческое слово nekros означает труп, нечто мертвое, неживое и жителей загробного мира. В латинском языке nex, necs означает насильственную смерть или убийство. Слово nekros относится не к смерти, а к мертвому, мертвечине и убиенному (смерть которого, очевидно, отличается от естественной кончины). Слова «умирать» и «смерть» имеют другое значение, они относятся не к трупу, а к процессу ухода из жизни. В греческом языке эту роль играет слово thanatos, а в латинском — mors и mori. Английские слова die и death (так же как немецкие totgehen и Tot) восходят к индоевропейскому корню dheu, dhou.

Хотя слово nekros и означает труп, нечто мертвое, образуемое им научное понятие некрофилии означает не только «любовь» к мертвецу, трупу, в современном терминологическом понимании это влечение, тяготение к смерти, в том числе к трупу, непреходящие навязчивые думы о смерти, удовлетворение своих сексуальных потребностей путем раз-

© Антонян Ю. М., 2016

* *Антонян Юрий Миранович*, доктор юридических наук, профессор Московского государственного областного университета, заслуженный деятель науки РФ
antonyaa@yandex.ru
105005, Россия, г. Москва, ул. Радио, д. 10А

личных манипуляций с трупом, а также особое отношение к смерти как способу достижения своих эгоистических, политических, военных и иных лично значимых целей. Последнее — социальная (общесоциальная) некрофилия.

Э. Фромм писал, что «некрофилия обычно распространяется на два типа явлений. Во-первых, имеется в виду сексуальная некрофилия (страсть к совокуплению или иному сексуальному контакту с трупом). Во-вторых, речь может идти о феноменах несексуальной некрофилии, среди которых — желание находиться вблизи трупа, разглядывать его, прикасаться к нему и, наконец, специфическая страсть к расчленению мертвого тела»[1]. Правда, в ходе своего исследования Э. Фромм приходит к выводу о существовании еще одного вида некрофилии — социального, который самым блестящим образом иллюстрирует на примере Гитлера.

Убийства по некрофильским мотивам, или некрофильские убийства, в статистике никак не выделяются. Поэтому знать о них могут лишь те, которые с ними сталкиваются — в качестве следователей, прокуроров, судей, сотрудников исправительных учреждений, исследователей, свидетелей. Должностные лица чаще встречаются с такими преступлениями по уголовным делам или с лицами, совершившими некрофильские убийства. Что представляют собой такого рода преступления и лица, их совершившие?

Некрофильское убийство совершается ради самого убийства, ради того, чтобы кого-то убить. К этому могут присоединяться и другие мотивы, например корыстные или игровые, но некрофильским это преступление будет потому, что корыстные и игровые цели вполне могут быть достигнуты без причинения кому-либо смерти. При этом сам преступник вполне искренне может полагать, что убийство было совершенно необходимо. О том, что этот преступник именно некрофил, могут свидетельствовать некоторые факты его прошлой жизни: проявления жестокости, садистические акты, мучения и убийства животных и др., но, главное, сам характер, обстоятельства совершенного преступления. О том, что мы имеем дело с некрофильскими, часто, но не всегда говорят также факты, как убийство нескольких человек сразу или в течение какого-то времени, иногда даже месяцами и годами.

Лиц, совершающих некрофильские убийства, объединяют некоторые общие черты:
— жестокость, иногда принимающая форму садизма;
— отчужденность от нормальных связей и отношений, слабые связи или их полное отсутствие с семьей и трудовыми коллективами;
— ничтожность повода для начала самых разрушительных действий;
— ощущение враждебности мира, которой совсем может не быть и которая существует лишь в представлениях преступника;
— желание (всегда или почти всегда бессознательное) узнать, что такое смерть и в то же время страх перед ней. Иными словами, амбивалентное отношение к смерти;
— ощущение зыбкости собственного существования.

Поскольку я не могу оперировать статистическими данными о некрофильских убийствах, вынужден привести конкретные примеры подобных преступлений. Уверен, что они более убедительны, чем цифровые материалы, в этих примерах особенности личности преступников и причины их злодеяний выступают куда более явственно.

I. Кирьянов, 36 лет, образование — 10 классов, ранее к уголовной ответственности не привлекался. Женат дважды. Обвиняется в убийстве 4 человек в 1996 году.

Из материалов уголовного дела и со слов самого Кирьянова известно следующее.

Родился в семье, в которой были оба родителя и еще младший брат. Отец умер, когда Кирьянову было 6 лет. Воспитывался матерью-алкоголичкой, зарабатывавшей на жизнь гаданием и проституцией, причем мужчин приводила в ту же единственную комнату, где жила с сыновьями. Постепенно привык к тому, что половые акты совершались практически у него на глазах и обычно не мог уснуть, не понаблюдав за ними. К матери, которая скончалась за 6 лет до привлечения его к уголовной ответственности за убийство, был очень сильно привязан, что, как пояснил сам, было порождено неудовлетворенной потребностью к материнской любви и защите: «Она оставляла нас одних часто. Младшего любила больше, но, наверное, и меня любила. Мне хотелось бы, чтобы она любила меня больше, чем это было». Чрезмерная привязанность к матери сохранилась до

[1] *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 280.

сих пор, часто слышит ее голос, который уверяет его, что «тебе будет у нас хорошо». После смерти матери его жизнь якобы резко ухудшилась, стали случаться несчастья, и хотелось бы вернуться в материнскую утробу, «во всяком случае повернуть свою жизнь до ее смерти». На пояснице у него огромное родимое пятно, оно изредка гноится и кровоточит, поэтому не взяли в армию: мама поясняла, что оно может быть и к хорошему, и к плохому; Кирьянов думает, что пятно ему чем-то помогает.

Кирьянов перенес несколько травм головы.

Как и мать, Кирьянов страдает алкоголизмом, занимается гаданием и считает, что может наслать на человека порчу: «На детей мне смотреть нельзя, потом они болеют. Я предсказывал события знакомым, и мои слова сбывались. Если желал зла кому-то, то это тоже сбывалось. Если все время думал, что кому-то будет плохо, тому становилось плохо. Хорошие события не пробовал вызывать». Таким образом, считает себя неким источником или носителем зла. Совершенные им убийства можно рассматривать и в этом контексте. Они имели место при следующих обстоятельствах.

1. Однажды выпивал с некой тетей Тамарой в ее доме. Она стала ругать «меня с братом и маму, ее называла проституткой, хотя сама занималась проституцией. Разговор пошел на повышенных тонах. Я сказал, что уйду, но отдайте мне мамины золотые вещи, она отказалась... слово за слово... у нее в руках был топорик для мяса, я у нее его вырвал и ударил ее по голове. Смутно помню, что было потом: она лежала в крови; меня вырвало, я был в каком-то вакууме, в таком состоянии, как будто это все не со мной, а я со стороны смотрю. Это прошло только через четыре часа. Я ее потрогал, тело было холодное. Не видел, как она умирала, я не понимал, что умирает человек. Ничего не ощущал, все у меня было отключено. Я ее не жалел, если бы на ее месте был мой брат, я бы и его убил — такое состояние было, ничего не соображал». После убийства похитил несколько серебряных вещей покойной и пытался поджечь ее дом.

2. Следующей жертвой Кирьянова стал его приятель Юрий, с которым они, по словам Кирьянова, занимались халтурой. Однажды во время выпивки у Юрия последний стал ругать Кирьянова за то, что тот его обманывал, несправедливо деля деньги. Спор перерос в ссору, которая закончилась тем, что Кирьянов найденным в комнате Юрия топором дважды ударил его по голове и убил. Кирьянов украл в доме аппаратуру и скрылся. По поводу этого убийства он пояснил: «Я был зол, жалко его не было. Я не видел, как он умирает, и, наверное, не понимал этого. В лицо его я не мог смотреть. И в глаза не мог. Сожалений, что я лишил его жизни, у меня не было тогда. Это появилось где-то через полгода, когда начал Библию читать, во сне тетю Тамару и Юрия видеть. Иногда ночью просыпался, они сидели возле меня, я их видел явственно и разговаривал с ними по 30—40 минут. Я стал ходить в церковь, свечки ставил родителям и этим двум мною убитым».

Но несмотря на такое «раскаяние», Кирьянов ничего не мог поделать со своей некрофильской натурой и продолжал убивать.

3. В том же 1996 г. Кирьянов расправился со своей любовницей Ольгой. Вообще-то он страдал частичной импотенцией и давно знал, что не способен к полноценной половой жизни. Чтобы усилить впечатление от своих сексуальных способностей, он сам ввел в свой половой орган мелкие металлические предметы, вследствие чего получил травму, что еще больше ограничило его сексуальные возможности. Обычно Ольга, по его словам, была им как мужчиной довольна, но однажды, когда он пришел к ней ночью, она стала издеваться над ним, сказала, что «лучше даст сторожевому псу», чем ему. Тогда он схватил секатор (свидание происходило в конторе овощеводческой бригады в Подмосковье), который лежал неподалеку, и дважды ударил им Ольгу по голове. От полученных ранений она скончалась. «В момент убийства я был в... таком состоянии, была обида на всех женщин, а ведь знал, что у меня не получается, вторая жена из-за этого начала гулять».

4. Последнее убийство Кирьянов совершил в октябре 1996 года. «Я был выпивши, но не пьяный. Все помню до того, как встретился с ребятами в магазине, там мы купили водку и рыбу; я достал имевшийся у меня нож, чтобы разрезать рыбу, которой мы хотели закусить, когда вышли на улицу. Один из ребят после выпивки стал показывать мне приемы нападения и защиты, у меня с ним получился конфликт, из-за чего не помню. Как ударил его ножом — не помню. Очнулся у себя дома в 3—4 часа ночи». Полагает, что убитый что-то сказал или сделал плохое.

Итак, четыре убийства, совершенные в абсолютно разных ситуациях, по разным поводам и мотивам, но объединяет их одно — и притом очень важное обстоятельство — Ки-

рьянов прибегает к лишению жизни другого, когда не может разрешить конфликт иным путем или не знает, как это сделать, как бы не ведает другого способа. Отметим также, что возникшие конфликты были связаны с фактами, имевшими для преступника исключительное значение, в первом случае была оскорблена память матери, ценность которой для него оставалась непреходящей; во втором и четвертом — он стал объектом агрессии, хотя никто не угрожал его жизни и, особенно в последнем случае, агрессия была мнимой, хотя могла им восприниматься как вполне реальная; в третьем — ему была продемонстрирована его ничтожность как мужчины, был резко снижен его биологический статус и возможность самопринятия. Таким образом, во всех случаях мы встречаемся с субъективными причинами, которых вроде бы достаточно для объяснения смертельного насилия со стороны Кирьянова. Однако остается открытым главный вопрос: зачем все-таки он убивал, почему лишь в убийстве «видел» (или ощущал) единственный выход из создавшегося положения. Чтобы объяснить его поступки, надо иметь в виду следующие обстоятельства.

Прежде всего Кирьянов является крайне беспокойной, неуверенной в себе личностью, тревожность которой достигает страха смерти. Он в беседе сам подтвердил это, отметив, однако, что так, как раньше, до кончины матери, смерти не боится («знаю, что мать меня ждет там, и не страшно потому»). Постоянно боится, что у него могут обнаружить телесную или душевную болезнь. При прекращении приема спиртного видел «бегающих крыс», которые, по-видимому, символизировали большую опасность. По сообщению Х. Э. Керлота («Словарь символов»), крыса ассоциируется с немощью и смертью. Фаллическое значение крысы возможно лишь настолько, насколько в нем присутствует идея опасного и отвратительного. Не случайно у Кирьянова они вызывали страх. В послезапойные периоды все время казалось, что «кто-то хочет сделать со мной что-то плохое», поэтому отсиживался дома. По словам второй жены, периодически испытывал страхи, жаловался на дрожь в теле, требовал, чтобы не включали свет и не открывали дверь. Очень боится воды и никогда не подходит к ней близко.

Вот почему достаточно обоснованно предположение, что, убивая, Кирьянов защищался от опасности, субъективно ощущаемой как весьма серьезная, несомненно посягающая на его витальные интересы. Он в то же время не только страшился смерти, но и стремился к ней — к чужой. Но это стремление можно расценить и в качестве движения к тому, что постоянно манит к себе, что предощущается как универсальное средство решения проблемы, как к чему-то хоть и абстрактному, но воспринимаемому им как реальность, причем иногда достаточно осознанно, о чем свидетельствуют и приводимые ниже его высказывания. Кирьянов — особая личность, поскольку он живет в своем особом мире где-то на грани между жизнью и смертью. Так было у него всегда, а отнюдь не только по причине патопсихологических изменений личности в связи с алкоголизмом и травмами черепа. Обратимся к фактам.

Когда умер отец Кирьянова и в дом принесли гроб, он, шестилетний мальчик, любил прятаться в пустом гробу, что доставляло ему, по его же собственным воспоминаниям, большое удовольствие. После похорон еще много месяцев подряд в одиночку убегал на кладбище, «чтобы посмотреть мертвых».

Кирьянов постоянно и часто сдавал кровь, причем и тогда, когда по медицинским показаниям от этого нужно было воздержаться. Деньги, конечно, пропивал, но сдавал кровь совсем не только ради этого. Дело в том, что сразу после сдачи крови у него наступало блаженное полубессознательное состояние, когда он уходил в некий потусторонний мир. К тому же кровь символизирует смерть, к которой он так тяготел. Значит, донорство было одним из путей перенесения в мир смерти и обретения особого состояния.

Исключительно информативны высказывания убийцы. В беседах он говорил следующее.

«Я часто нахожусь в заоблачном состоянии; когда убивал, казалось, что это делал не я. Когда меня арестовывали, понял, что это я. Это понимание было нейтрально, я не радовался и не огорчался. Убийства воспринимал, что это не со мной, что я уже это видел, что это уже было».

«Еще при маме было ощущение, что я не при этой жизни. Мама это замечала и говорила, что ты вроде спишь и не спишь».

«Нашу первую беседу [с Ю. М. Антоняном] я воспринимал как нечто, что было не со мной. Теперь, во время второй встречи, понял, что первая была».

Высказанное желание Кирьянова вернуться в материнскую утробу тоже можно расценить как желание уйти из жизни в небытие, а не только как способ защититься от земных

горестей. И то и другое — стремления, вполне естественные для этой дезадаптированной личности, жизнь и судьба которой связаны, во-первых, с врожденной некрофильской тенденцией, природа и генезис которой пока еще не совсем понятны, во всяком случае, в той конкретной форме, в которой она нашла воплощение именно в Кирьянове. Его дезадаптация, во-вторых, связана с дефицитом материнской любви и защиты в детстве. Как установлено рядом моих исследований, названный дефицит выступает основным источником формирования высокой тревожности и страха смерти, столь характерных для убийц. Само отношение к смерти у Кирьянова, как и у большинства других убийц, амбивалентное, т.е. оно характеризуется и влечением к ней, и страхом перед ней. При этом она им психологически близка и понятна, и мне представляется отнюдь не случайным то, что некоторые такие преступники в беседе способны очень быстро дать емкие, содержательные и даже афористические определения смерти.

Жизнь в двух мирах, точнее — в некотором особом измерении, делает для Кирьянова общество и его правила, даже микросреду, какими-то неопределенными, призрачными, расплывчатыми. Он не ощущает, что живет только здесь и больше нигде. Требования общества в силу этого им плохо усваиваются или не усваиваются вообще, а поэтому он далек от какой-либо солидарности с этими требованиями. Поэтому Кирьянов с относительной легкостью нарушает признанные запреты, особенно самый главный из них — запрет на посягательство на чужую жизнь. Не случайно в периоды совершения самих актов насилия он ничего не ощущает: ни жалости, ни сострадания, ни страха, ни даже ненависти, у него в это время все было как-то отключено. Язык этой жизни Кирьянову непонятен, как и нам его язык. Я не думаю, что уже найдены или в ближайшем будущем будут найдены общие и прочные точки понимания между нами и такими людьми. Отсутствие подобных точек есть один из главных факторов, предопределяющих дезадаптацию последних, их уход в алкоголизм и наркоманию.

II. Таким же носителем зла был Лукьянчук, обвиняемый в четырех убийствах и одном покушении на убийство. В беседе он сказал: «Зло — оно сильное, большое, с ним хорошо. Зло — это то, когда делаешь то, что хочешь. Ваше “Я” очень маленькое, зло его затопляет. Голова работает так, чтобы сделать зло». Особенно интересны рассуждения Лукьянчука относительно смерти: «Смерть — это когда исчезает фактор времени. Она мне интересна, я бы ее исследовал, но у меня сейчас нет наркотиков, а то бы я их принимал и приближался к смерти. Ребенок в утробе матери ведь не понимает, что он родится, а то бы он отказался это сделать. В утробе хорошо, его там кормят, там тепло. Рождение выталкивает в другую жизнь, где нет времени. Жизнь вне утробы есть смерть. Я помогал смерти. Мне помогало зло, и мне с ним было хорошо. Мне страшно без зла, что я, в сущности, без него? Зло давало мне покой на воле, а здесь (в тюрьме. — *Ю. А.*) оно надо мной смеется. Я хотел бы вернуться в утробу, но без сознания, конечно».

«...Зло знает все неприятности. Его нельзя уловить и понять. Зло знает все неприятности всех людей. Оно действует по своей логике, и все делается специально. Я стал под защитой зла. Зло мой могущественный покровитель, но оно иногда меня бросало, и тогда появлялись страх, дрожь, нехорошие мысли. Если есть зло, есть и добро, но оно почему-то не проявляется... Зло мне внушало убивать, но с подходом, убедительно; зло внушало мне ясные, понятные и убедительные мысли. Зло посещает, когда в газетах криминальная хроника, радость берет, душевный подъем. Когда читаю про убийства, радуюсь, радость эта вызывается злом. Зло управляет мною». Он так говорит о зле, что это слово, по-видимому, надо писать с большой буквы.

«...Хорошо в камере мне, не нужно бояться, светло, хороший свет, снаружи охранник. В тюрьме безопасней, чем на воле, только скучно и тоска, но тебе минимум дают, охраняют, никаких случайностей, они бывают только на воле... На свободу я не хочу, кто там меня будет охранять, кто будет кормить. Хорошо, чтобы о тебе забыли».

Прежде чем анализировать и оценивать более чем красноречивые высказывания Лукьянчука, коротко остановлюсь на совершенных им преступлениях. Сам он представлял собой крайне тревожную личность, вполне обоснованно считая, что его наркомания и алкоголизм порождены именно тем, что он постоянно ждал беды, хотя и не знал, откуда она к нему придет. В социальном отношении он — абсолютно люмпенизированный алкоголик, давно и навсегда выброшенный за пределы нормального общения. Он проживал с сожительницей

(тоже алкоголичкой и, с его слов, с задержкой умственного развития) и ее матерью — инвалидом II группы в связи с переломом ноги, также злоупотреблявшей спиртными напитками. С ними жил еще сожитель последней, Криулин, он же соучастник убийств, совершенных Лукьянчуком. Криулин, конечно же, был алкоголиком, дважды сидел в тюрьме и к тому же не имел постоянного пристанища. Жил он тем, что ловил бродячих собак и поедал их (в качестве закуски, разумеется), а шкуры продавал. Куда уходила выручка, догадаться нетрудно.

Первое убийство было совершено вместе с Криулиным в 1994 году.

О каждом убийстве и пояснениях о нем самого Лукьянчука будет сказано отдельно.

1. 10 октября 1994 года вместе с Криулиным убил неизвестного мужчину, задушив его веревкой, причем инициатором убийства был именно Лукьянчук, он же стягивал веревку на шее жертвы. Криулин помог ему тем, что держал потерпевшего. Труп вдвоем спрятали в канализационном люке, где он был обнаружен в процессе предварительного следствия.

По поводу этого эпизода Лукьянчук рассказал следующее: «В тот день около 17 часов я пошел за водкой, а когда вернулся, моя сожительница Таня сказала мне, что во время моего отсутствия к нам в форточку стучался какой-то мужик. Сели пить водку вчетвером с Криулиным и матерью Тани. В это время раздался стук в дверь. Таня посмотрела в глазок и сказала, что пришел тот самый мужик, который стучал в форточку. Я взял веревку, Криулин — нож. Открыли дверь, Криулин сразу ударил его рукояткой ножа по голове, тот даже сказать ничего не успел, и я так до сих пор не знаю, что этот человек хотел. Мы сняли с него куртку и повалили на пол, я накинул ему веревку на шею, хотя мужчина просил его не убивать. Задушил его. Вдвоем с Криулиным выбросили тело в канализационный люк».

«Мне давно хотелось убить человека. Все случая не было, а тут он сам пришел (имеется в виду убийство незнакомого мужчины. — *Ю. А.*). Я сказал Криулину, что его надо задушить, а Криулин хотел зарезать. Человек он мне неизвестный, он пришел, чтобы его убили, и его надо было убивать. Я после спать хотел». Он как бы знал, что тот пришел за своей смертью, что его надо было убить.

В рассказе Лукьянчука обращает на себя внимание, что он давно хотел убить человека и убил он того, кто не сделал ему ничего плохого, Лукьянчук его вообще не знал и видел впервые, но не сомневался, что того надо убить.

2. 7 декабря 1994 г. Лукьянчук и Криулин выпивали в доме дяди Лукьянчука, где присутствовал их общий знакомый Лосев. Во время выпивки Лукьянчук нанес Лосеву несколько ударов ножом в шею, отчего тот скончался на месте. Вместе с Криулиным труп бросили в тот же канализационный люк, что и тело неизвестного мужчины.

Об этом эпизоде Лукьянчук рассказал: «Когда выпивали, Лосев сказал, что он судим. Я подумал, как бы он не ударил меня ножом. Поэтому я схватил кухонный нож и два раза ударил Лосева в шею. Я хотел ему голову проткнуть, самого его я как бы и не заметил. Голова его меня интересовала, голова его мне не понравилась. Злость у меня была. Тогда все было неясно. Против Лосева я ничего не имел. У Лосева, может, сердце доброе, он человек хороший». Так был убит «человек хороший, и сердце у него, может, доброе».

3. В конце декабря 1994 года Лукьянчук, Криулин и брат убитого Лосева Анатолий Лосев вновь пьянствовали в доме дяди Лукьянчука. Никакой ссоры между собутыльниками не было. Анатолий Лосев, захмелев, лег на диван и заснул. Лукьянчук стащил его на пол и убил тремя ударами в шею. Вместе с Криулиным труп сбросили в тот же люк.

Об этом убийстве Лукьянчук дал следующие разъяснения: «После первого убийства я носил с собой складной нож. Я его взял с собой, чтобы защищаться от друзей убитого мною Лосева. Анатолий меня ни в чем не подозревал, хотя и говорил о желании найти убийцу брата. Как убил Толика, не помню хорошо. Я не подумал, зачем его убиваю. Сам он ниже травы, тише воды. Как объяснить, не знаю».

4. 7 января 1995 года в доме дяди Лукьянчука в очередной раз была устроена пьянка, в которой приняли участие Лукьянчук, Криулин и Потапов. Лукьянчук начал ссору с Потаповым и нанес ему несколько ударов ножом в шею. Труп с помощью Криулина и своего дяди спрятал в подвал дома последнего. Об этом преступлении убийца сказал: «Лева (Потапов) был дядин сосед, у него я увидел черно-белый телевизор и хотел его украсть. Но телевизор был неисправен».

В том же месяце пытался убить еще одного собутыльника, ударив его ножом в голову, но тот сумел убежать.

Прежде всего, Лукьянчук является душевнобольным человеком, судебно-психиатрическая экспертиза констатировала у него шизофрению. Однако это не освобождает от необходимости понять эту личность и ответить на вопрос, почему он лишил жизни четверых и посягал на жизнь пятого человека. Душевная болезнь определенно сыграла здесь свою негативную роль, однако, как известно, далеко не все психически больные совершают серию убийств.

Нетрудно заметить, что у Лукьянчука сформировался бред преследования, он очень боится всего, сам не зная, чего именно; поэтому страх у него носит глобальный характер и, по существу, представляет собой страх смерти. Это — некрофилическая, фобическая, замкнутая, дезадаптированная личность, исключительно близко стоящая к смерти; он, как и Кирьянов, с одной стороны, страшится ее, а с другой — непреодолимо стремится к ней. Лукьянчук сказал: «Я помогал смерти... Мне страшно без зла... Я слушался его призывов убивать». Он ощущал себя слугой смерти. Причем в его больном воображении она принимала образ всеобщего и всепоглощающего зла, однако это зло у него не было с безусловным знаком минус, напротив, судя по его рассказам, оно не обладает зловещими чертами, с ним ему хорошо и оно ему давало покой. Зло «постоянно где-то рядом», и он был под его защитой. К смерти его тянуло всегда, поэтому он, по его словам, придушивал пьяных на улице, свою сожительницу и ее мать, но тогда еще мог контролировать себя и по этой причине не носил с собой нож.

Особенно красноречивы слова Лукьянчука, связанные с первым убийством: «Человек мне неизвестный, он пришел, чтобы его убили. Ждешь-ждешь, вот он и пришел, и его надо убивать». Создается впечатление, что Лукьянчук выполнял свою вполне определенную обязанность или, во всяком случае, нечто очень важное и давно задуманное. Поэтому иначе он поступить не мог. Так ему было необходимо, так ему было предписано. А «человек неизвестный» так и остался неизвестным следствию и суду, так его и похоронили, не обнаружив при нем никаких документов. Он ведь, полагал Лукьянчук, пришел для того, чтобы его убили, а для этого не нужны документы. Убийца не ставил перед собой лишний вопрос, кто он такой, главное — «его надо было убивать». У несчастного не было иного смысла приходить, как только чтобы быть убитым.

Что представляет собой зло в понимании, точнее — в предощущениях, Лукьянчука? Сам он не смог (или не захотел) дать определение. По-видимому, это некая психологически помогающая ему сила или, скорее всего, сама смерть. Во всяком случае, это нечто, что выходит за пределы его личности и в то же время обретается в ее рамках. Очень схожую позицию занимает сам Лукьянчук — он одновременно и в этой, и в той жизни. Жизнь вне утробы (см. цитаты из Кирьянова), т.е. «обычная» жизнь, для него смерть, а собственно жизнь может быть только в утробе, т.е. до рождения. Как и для Кирьянова, идеальное место для него только в материнском лоне. Функции этого лона исполняет для него тюремная камера, обеспечивающая безопасность и уют. Истинную радость и душевный подъем он испытывает, когда узнает об убийствах и других криминальных фактах — можно полагать, что именно смерть другого (или других) вызывает в нем радость. Это очень существенное обстоятельство, еще раз дающее возможность говорить о Лукьянчуке как о некрофильской личности, живущей в своем особом мире между жизнью и смертью.

III. Таким же, как Кирьянов и Лукьянчук, сеятелем смерти был Фирсов, 23 лет, ранее не привлекавшийся к уголовной ответственности. Это своеобразный «рекордсмен»: в течение примерно 30 минут он одним ножом убил восьмерых**,** в том числе троих детей. В тот день около 24 часов он пришел к своему знакомому П. требовать возвращения долга в сумме 50 тыс. рублей. П. деньги не отдал и попытался выгнать Фирсова из своей квартиры, а поскольку последний сопротивлялся, ударил его ножом в бедро. Взбешенный, Фирсов побежал к себе домой (жил он недалеко), схватил там нож и вернулся в дом П., где перерезал всю его семью и соседей. Он действовал как одержимый, на одном дыхании, не в состоянии остановиться. П. он нанес 30 ударов, его дочери — 20, жене — 10.

Проанализируем личность и мир Фирсова.

Как и у Кирьянова, у него особое отношение к крови, она его пьянит, зачаровывает, властно влечет к себе:

— жена Фирсова показала, что если он «случайно порежется, то любил внимательно рассматривать появившуюся кровь, становился возбужденным: часто повторял: “кровь, кровь”, если был в нетрезвом состоянии, сразу менялся в лице, становился озлобленным»;

— дважды резал себе руки, после ареста много раз, даже не помнит сколько. В беседе он пояснил: «Вид крови возбуждает, появляется ненависть, агрессия, хочется большего чего-то. В детстве видел, как резали свиней, потом помогал резать, была дрожь, чтобы быстрее резали, подставлял кружку под кровь и пил ее. Пил кровь всегда: чувствовал прилив сил, энергию, наслаждение. Ел часто сырое мясо — баранину и свинину, сырое, если поперчить, подсолить — вкусно. Когда вспарываешь животное, очень заводит исходящий от него запах, я его вдыхал, нравились испарения. Когда уже туша разделена, то настроение портилось, потому что запаха уже не было»;
— «Вид крови животных меня всегда возбуждал. Я обижался, если не мог кого-то зарезать и кровь теряется для меня или мне мало нальют»;
— «Я часто дрался. Когда у избиваемых шла кровь, я старался еще сильнее бить, от их крови у меня появлялось еще больше силы. Когда на тренировках по боксу бил грушу, то бил неистово, однажды порвал грушу и посыпались опилки. Когда бью человека, меня трудно остановить, иду до конца, пока не увижу, что он не шевелится. Иногда текли слезы, но не от боли, а от желания отомстить. Дрался два раза в неделю. Дрался и в армии — каждую неделю».

Как мы видим, для этого исключительно жестокого человека кровь — своя, недругов (избиваемых), животных — имеет особое значение. Ее роль нужно оценивать не только в гастрономическом аспекте, как нечто, доставляющее физиологическое наслаждение, а больше в символическом (учитывая его личность и поступки, в том числе убийства), тоже способном приводить к приливу энергии. Можно думать, что кровь для него символизирует смерть и в этом качестве завораживает его. Конечно, кровь может символизировать и жизнь, но в данном конкретном случае, у этого конкретного человека — жестокого, агрессивного, всегда бьющего до крови, — она олицетворяет прямо противоположное, страстно притягивая его к себе. О том же говорит и тот факт, что он не только пил кровь животных, но и себе резал руки, и бил своих противников, пока те не переставали шевелиться, а вид их крови заставлял бить еще сильнее. Любовь Фирсова к сырому мясу, в котором тоже есть кровь, носит, по-видимому, атавистический характер, заставляя предположить, что по механизмам коллективного бессознательного к нему возвратился древнейший опыт предков. Фирсова весьма привлекает агональный период убиваемых животных: «Когда вспарываешь животное, очень заводит исходящий от него запах... нравились испарения». Иными словами, он бессознательно ощущает исключительную значимость грани между жизнью и смертью, и эта грань неодолимо привлекает его.

Внешне Фирсов практически полностью соответствует тому описанию некрофильского человека, которое приводит Э. Фромм: маловыразительное лицо, спокойное, неулыбчивое. Он вязок, замкнут, но склонен к рассуждательству. О себе в беседе сказал: «Смеялся я редко, редко улыбался. Раньше, еще до ареста, хорошее настроение у меня было редко. Шутить часто не люблю».

Если у Лукьянчука было «Зло», которое сопровождало его повсюду и диктовало определенную линию поведения, то у Фирсова те же функции исполнял «Кто-то». Последний появился, когда Фирсову было 14 лет, и стал особенно часто навещать его, когда он оставался один. «Кто-то», как рассказал Фирсов, не был человеком, это был некий объем, состоящий не из единого целого, а из кружков, кружков в кружке; иногда он полностью обволакивал его, в других случаях — входил в него. «Поэтому я чувствовал себя в броне, не боялся даже пули. Мне было приятно, была легкая тяжесть. Я был защищен со всех сторон». «Время от времени снилось, что я убиваю. Злиться было не на что, но шел на улицу со злобой, старался не думать об убийстве, но все равно думал. «Кто-то заставлял меня убивать». Как мы видим, подобно Лукьянчуку, Фирсов (он признан вменяемым) склонен думать, что им управляла какая-то сила, толкавшая его на убийства. Необходимо отметить, что Кирьянов, Лукьянчук и Фирсов совсем не отрицали своей вины и охотно, даже деловито, давали пояснения практически по всем вопросам, в том числе интимным, сексуальным. Они не испытывали ни психологического дискомфорта, ни моральных угрызений по поводу того, что ими убито много людей. В беседах с ними невольно возникало переходящее в убеждение чувство, что они все находятся по ту сторону нравственности и о моральных аспектах содеянного просто не думают и не думали никогда.

IV. Наряду с Чикатило, всемирную «известность» получил убийца-людоед Джумагалиев, действия и личность которого выделяются

даже на фоне других серийных убийц-некрофилов. Этих двух монстров объединяет то, что их преступления имели место на сексуальной почве, были теснейшим образом связаны с их сексуальными переживаниями, порожденными катастрофами в межполовых отношениях.

Джумагалиев, 30 лет, в 1979 г. в Казахстане убил семерых женщин. В первых 5 случаях, как охотник, он ночью в засаде поджидал своих жертв и сразу наносил удары ножом, остальных убил у себя дома. Первой жертвой была А., он расчленил ее труп, части тела унес домой и в течение месяца употреблял в пищу, делал пельмени, жарил, варил. Через несколько недель убил К. и выпил кровь из трупа, вскоре после этого совершил нападение на Л. и А., но их кровь не пил и мясо не ел, так как ему помешали. Следующей потерпевшей была В., убийца выпил ее кровь и закопал в землю части тела, но их не ел, поскольку имел намерение растопить жир из ее тела, чтобы им обмазать могилу деда. После убийства еще двух женщин трупы расчленил и пил кровь, разрубил головы, съел мозг. У одной из них в нижней части живота сделал ножом отверстие и через него совершил половой акт.

Таков вкратце перечень абсолютно нечеловеческих поступков Джумагалиева. Психиатрическое обследование этого монстра показало, что его наследственность отягощена, тетка по отцу была странной, замкнутой. У старшей сестры что-то не в порядке с головой. Джумагалиев рос и развивался нормально, не отставал. Избирательно общительный, больше замкнутый; трудолюбив, любил порядок и справедливость и особенно — путешествия и животных. Рано начал ходить на охоту со сверстниками и дедом, которого очень почитал, потом чаше один. Понемногу любовь к животным стала чрезмерной, сверхценной, много думал об их беззащитности и возмущался плохим отношением к ним. На охоте стал стрелять мимо дичи, раненых животных выхаживал. Считал, что животные понимают его, а он их.

Интерес к девочкам возник в 8 лет, с 16 лет периодически встречался с ними, но не делал попыток сексуального сближения. Большое впечатление на него производили рассказы о жертвоприношениях животных и людей. В 1970 году закончил железнодорожное училище и некоторое время работал по специальности. Во время службы в армии все было хорошо, потом заметно снизилось настроение, стал пить: после демобилизации дважды пытался поступить в институт, но ничего из этого не получилось, что привело его к мысли, что он неудачник. Ушел в горы и подолгу жил в пещерах. С 1974 по 1977 год разъезжал по стране и работал в различных организациях, затем возвратился я совхоз к родителям.

В общении с женщинами сдержан и застенчив. В 1975 г. стали возникать зрительные представления различных обнаженных частей женского тела и внутренних органов, при этом испытывал половое возбуждение. Половая связь была в основном со случайными женщинами, заразился сифилисом, потом трихомонозом. По возвращении к родителям стал постоянно жить с некой Я., однако это сожительство было более чем странным: бил ее, по его требованию она вступала в интимную связь со знакомыми, и вместе с тем он считал, что Я. неправильно ведет себя и постоянно наставлял ее. Постепенно его стал отвращать половой акт, полностью удовлетворения не получал, но тяга к женскому телу оставалась, усилился наплыв «просвечивающихся», часто отчлененных частей и органов женского тела, а также внутренностей. Обнаружил господство матриархата и «точно» оценил его опасность, решив поэтому, что на женщин нужно навести страх (я тщательно изучал его собственноручные записи, в которых изложены и эти мысли). Появилось желание пить их кровь, чтобы получить дар пророчества, пришел к мысли, что, поев женского мяса, он уменьшит свое влечение к ним, а само убийство покажет, что это значит, когда охотник убивает животное, т.е. так он бы защитил последних. После каждого убийства с удовлетворением отмечал, что уменьшился разврат, женщины стали больше уважать мужчин, у них появился страх. Однажды во время полового акта со случайной женщиной душил ее, ударял кулаком в живот, щипал за груди и ноги, заявлял, что она выпила его кровь. При этом выглядел довольным, улыбался.

Психиатрам-экспертам рассказал, что к каждому убийству, к охоте на женщин готовился как к торжественному событию. У него возникло отвращение к мясу и обычным половым актам, была лишь страсть к расчлененному женскому телу и желание совершить половой акт в колотую рану на животе. В сохранившихся собственноручных записях Джумагалиева сказано, что съеденное человеческое мясо привело к усилению «самостоятельного хода мыслей». Он стал незаурядной личностью. Его «вклад пойдет на благо общества и будет оце-

нен в будущем», а чтобы лучше зафиксировать это, после всех убийств ему следовало бы уйти в горы и написать поучительный научный труд. С интересом ожидает своего расстрела, чтобы «уловить импульс перехода от жизни к смерти и понять смысл жизни».

У Джумагалиева диагностирована шизофрения, и он признан невменяемым. Однако это не освобождает нас от необходимости ответить на архисложный вопрос: каков внутренний, личностный смысл совершенного Джумагалиевым, что толкало его на столь чудовищные поступки? Несомненно, его отличали жестокость, абсолютное бесчувствие к людям, некросадизм. Не вызывает сомнений также, что это глубоко отчужденная личность, практически полностью потерявшая связь с внешним миром, ненавидящая женщин, расцениваемых как источник и средоточие зла. Однако эти верные констатации, равно как и наличие шизофрении, не очень приближают нас к тому, почему он убивал женщин и, главное, почему употреблял в пищу тела убитых.

Требует объяснения то немаловажное обстоятельство, что Джумагалиев убивал женщин, а не мужчин или детей. Мне представляется, что ответ может быть следующим: с женщинами он был сдержан и застенчив, т.е., скорее всего, опасался отпора с их стороны, и поэтому они представлялись ему враждебной силой: сожительствовал лишь со случайными, легко доступными женщинами, иными словами, выбор сексуального партнера был для него совершенно не персонифицирован, что в конечном итоге тоже связано со страхом быть отвергнутым другими; от таких связей он заразился опасными венерическими заболеваниями; не сложились у Джумагалиева должные отношения с Я., с которой он более или менее долго сожительствовал. Толкая ее на интимные связи со своими знакомыми, он тем самым отталкивал ее от себя и одновременно себя же убеждал в опасности женщин — этих зловредных существ. Особенно показательно, что этот людоед хотел совершать половые акты в раны на животе и в действительности совершил такое — это тоже свидетельствует об отвергании женщины, сконцентрированном в данном случае на половом органе, он его как бы отбрасывает, не желает иметь с ним ничего общего.

Враждебное отношение Джумагалиева к женщинам есть частное проявление его абсолютной дезадаптации к современному миру. С полным основанием он может быть назван «самым» первобытным человеком.

Таким образом, ненависть к женщине и прежде всего действие коллективного бессознательного в виде возврата людоедства сильно стимулировали беспрецедентные поступки этого человека.

Джумагалиев как невменяемый был направлен на лечение в психиатрическую больницу в Казахстане, где пробыл свыше 10 лет и затем был выписан из нее. По имеющимся сведениям, после этого он скрылся. Я не знаю, насколько эффективным было лечение каннибала, но нет уверенности, что он больше не представляет опасности.

По своим психологическим особенностям Джумагалиев мало отличается от предшествующих описанных мною убийц. Как и они, это некрофильская, крайне агрессивная личность, замкнутая, аутичная, дезадаптированная. Он постоянно живет в ином мире не только психологически, но и физически, причем последнее обусловлено причинами психологического порядка. Так, он ушел из чуждого мира людей в горы и подолгу жил в пещере, чувствовал особую близость к животным и полагал, что понимает их. Его дезадаптированность проявляется и в крайней ненависти к женщинам, обусловленной его сексуальными провалами и замкнутостью, а также тем, что он болел сифилисом.

Очень важно то, что Джумагалиева интересует момент собственной казни. Как человек, принадлежащий разным мирам, он вполне естественным образом обращает особое внимание на ту грань, которая отделяет жизнь от смерти, и думает, что это помогло бы ему понять смысл жизни, что, в общем-то, не лишено оснований.

Нелишне отметить, что первым признаком воссоздания райской жизни считается установление господства над животными, и не случайно давали животным имена, что расценивалось как возможность повелевать ими. В мистических сказаниях животные иногда слушались святых, которые их кормили, как домашних. Дружба с дикими животными, добровольное приятие ими господства человека давно считаются явными признаками возвращения райского состояния и даже райских времен. Не исключено, что в этом первобытном человеке — Джумагалиеве — проявилось стремление к возвращению в изначальное время.

V. Петричев, 23 лет, ранее дважды судимый за кражи, в феврале 1997 года в подъезде одного из домов в Москве заранее приготовленным кортиком нанес ранее незнакомому Б. 30 ударов. Последний пытался скрыться в квартире Ш., однако туда же ворвался Петричев, который нанес Ш. не менее 30 ударов кортиком и несколько ударов ее годовалому сыну. Б. и Ш. были убиты, Петричев также убил прибежавшего на помощь отчима Ш., а ранее — еще двоих ее родственников.

Родился Петричев в полной семье, но родители вскоре разошлись. В раннем детстве, по словам отца, падал из коляски, примерно в 12 лет упал со второго этажа, когда пытался уйти от преследовавших его мальчишек. Из-за травмы головы состоял на учете в психоневрологическом диспансере. В возрасте 15 лет получил еще одну травму, когда полез на четвертый этаж дома и сорвался: зачем вообще полез, пояснить не может, так как тогда был якобы пьян.

Петричев является дезадаптированной личностью, то есть психологически удаленным от среды и ее правил. Так, по его же признанию, он постоянно конфликтовал со сверстниками, не мог находиться в их компании и говорил, что вообще «со мной тяжело найти общий язык». Он не знает, любила ли его мать, и не знает, что такое любовь. Любимой девушки у него не было никогда. Старался уединиться, поскольку «одному все-таки поспокойнее».

Как рассказал в беседах Петричев, его уже много лет мучили галлюцинации, миражи, были шары перед глазами, они лопались и голова кружилась. Была голова внутри головы и вне ее, они угрожали ему смертью, в частности за 7 дней до совершенных им убийств. Поэтому ударил себя кортиком в живот. Петричев рассказал: «По ночам совсем не сплю. В полнолуние брожу, задыхаюсь, кажется, что кровать летает. Читал (до ареста) Блаватскую, еще хуже становилось. Ко мне приходил Сатана, здоровый, лохматый, без одежды, без хвоста. Приходил он в полнолуние, я подрался с ним, очнулся на полу. Я закрывал дверь, он открывал. Я потому полез драться с ним. Встретил его всего 2 раза. Он посылает голоса, его рук дело. Я ощущал себя во власти Сатаны с детства, мне мерещились колы, на которые меня хотят посадить; много таких моментов было. Не знаю, почему убил и как и где встретил того мужчину. Я не помню, как они умирали, вообще ничего не помню, хотя был совершенно трезв, не пил до этого 6-7 месяцев». Утверждает, что «Сатана существует реально. Я ходил в церковь, просил у Бога защиты, но он не помог, не знаю почему. От Сатаны мне только плохо, он меня никогда не поддерживал».

У Петричева диагностирована шизофрения, он признан невменяемым.

Петричев — крайне тревожная личность, его часто охватывает панический страх, причем он не осознает, чего ему нужно бояться и откуда или от кого исходит угроза. Следовательно, страх у него носит диффузный, размытый, но вполне реальный характер, мощно влияя на его жизнь. Обо всем этом говорят, в частности, обнаруженные у больного записки, обращенные к Богу. В них он просит спасти его от злых духов, от «врагов наших общих», от «порчи, сглаза, зелья, болезней», от «их дел злых». Особенно опасается, что Бог «выпустит зло сегодня». Сатана однозначно воспринимается им только негативно, точнее, как враг. Но можно думать, что и от него он ждал помощи, поскольку упрекнул его в том, что «он меня никогда не поддерживал». Его же Петричев, в сущности, обвиняет в совершенных убийствах, приписывая ему роль их инициатора («его рук дело»), тем более, что «ощущал себя во власти Сатаны с детства», тем самым снимая с себя вину. Неудивительно, что он не проявляет абсолютно никакого раскаяния, просто не вспоминает ни убийства, ни убитых, не выражает по этому поводу никаких чувств и не высказывает никаких соображений. Это все то, что уже было, прошло и не имеет сейчас никакого значения.

Петричев представляется каким-то механическим источником или носителем зла. В его случае в достаточно выраженной степени присутствует психологическая отстраненность от того, что он же совершил. Он, единственный «делатель» произошедших событий, ощущает себя вне той трагической ситуации, которая была создана исключительно его руками, и эту ситуацию он не связывает с собой. Касающиеся ее высказывания, тональность слов, мимика, весьма невыразительная, говорят о том, что все это им уже забыто, ему совсем ненужно.

VI. Кулицкий, 25 лет, ранее (до достижения 18 лет) был дважды судим за кражи, в третий раз — за нанесение тяжких телесных повреждений — на 6 лет; отбыв 3 года, из мест лишения свободы бежал. По дороге во время совместного распития водки ударом ножа убил неизвестного мужчину, который якобы был сотрудником органов внутренних дел. Приехал

в родной город в Карелии, поселился у знакомых и в этом городе несколькими ударами того же ножа убил в магазине незнакомую женщину. Нож носил с собой постоянно, прикрепленный к ноге.

Кулицкий вырос в семье с отчимом, который работал в МВД, отца не видел. Никаких отношений, по его словам, ни с отчимом, ни с матерью не имел; отчима ненавидел, мать (она в конце концов спилась, скорее всего, он только предполагает это) любила его. Крайне конфликтные отношения с родителями привели к тому, что он все делал наперекор, убегал из дома и постоянно бродяжничал. Достаточно сказать, что после первого (условного) осуждения за кражу, а ему было всего 15 лет, объездил Пермь, Соликамск, Сыктывкар, Вологду, Новгород, Карелию. В одном из этих городов был задержан за кражу и вновь осужден, на этот раз к лишению свободы. Отмечу, что бродяжничал в одиночку, так как, по его словам, в людях был разочарован, даже друзья поступают так, как не следует. Поэтому никому не доверял. Ненависть к МВД, источником и основой которой был отчим, окончательно оформилась и осозналась им во время пребывания в местах лишения свободы. Он уверился, что в МВД работают только очень плохие, просто отвратительные люди. Первое убийство было совершено именно в связи с такими эмоциями, ибо, по глубокому убеждению Кулицкого, всех сотрудников МВД следует уничтожить. Тот, убитый им, ничего плохого ему не сделал, но подлежал смерти уже самим фактом принадлежности к этой организации. Именно так сформулировал мотивы сам убийца.

Вот как объяснил Кулицкий в беседе это убийство и следующее, женщины в магазине: «Убивал потому, чтобы убедиться, что я могу это сделать. Жалею, что не убил еще одну женщину там, в магазине, а ведь она была свидетель. Убил мужика того, из МВД, вообще-то я точно не знаю, из МВД он или нет, но мне показалось, что из МВД. Когда убил его, то все было нормально, без проблем. Женщину труднее убить морально. Убивая ее, я хотел убедиться, что могу убить без повода, раньше ее я никогда не видел. Когда убил мужика, была радость, что он все, теперь может отдыхать. Когда убил женщину, тоже была радость, что смог, но огорчился, что не убил одним-двумя ударами, ударять ножом пришлось много раз. В целом убийства пошли мне на пользу — значит, я рано убежал, т.е. мне еще надо сидеть. Смерть — это переход из одного состояния в другое. В другом будет так, как ты сейчас, т.е. как ты вел себя в жизни».

Обо всем этом Кулицкий рассказывает с постоянной улыбкой, как о простых, но приятных и даже занятных вещах. Это вполне понятно, поскольку, убивая, он, по его же словам, испытывал радость и «убийства пошли ему на пользу». Кулицкий убивал ради самоутверждения, как он это понимает, но проблема отнюдь не в этом, а в том, что самоутверждение происходило подобным образом. В отличие от Родиона Раскольникова, который тоже самоутверждался подобным способом, но испытывал из-за этого жгучее раскаяние, Кулицкий радостно оценивает все учиненное им, удовлетворен тем, что смог это сделать. Разумеется, ни о каком раскаянии, признании или понимании им своей вины не может быть и речи. Кулицкий — чрезвычайно опасный преступник, причем даже в условиях изоляции от общества, поскольку способен на смертельное насилие в отношении любого человека. Он дезадаптирован и одинок, у него нет привязанностей и социальных связей, даже негативных.

Изучение его записей показывает, что он выработал определенные правила жизни для себя. Так, к «плохому», т.е. неприемлемому для себя, он относит: «улыбку, смех, укус губ, сон больше шести часов; страх или вообще что-либо краше злобы и презрения на лице, теле, в поведении, голосе; вежливость, добрые чувства, раздражительность, длинный язык. «Хорошим» считает молчание, о себе ни слова, серьезность, злобность, грубость, смелость, недоверие ко всем. «Будь один, думай один, действуй и наслаждайся один. Делай только то, что имеет смысл для тебя. Не делай того, что хочется, но что приносит вред». Во всех этих словах явно прослеживается нежелание проявить свою слабость, предощущение неизвестной опасности и стремление защитить себя; он все время настороже. Но страх перед агрессией, как и стремление самоутвердиться, могут переживать многие люди, поэтому главный вопрос заключается в том, почему для решения таких личных проблем избирается смерть, причем причиняется она с радостью.

Как и у некоторых других некрофильских убийц, у Кулицкого был незримый и таинственный спутник, которого он называет «Оно»: «Стало ко мне приходить Оно. Я отмахивался от него, но Оно все равно приходило, когда был трезвый или пьяный. Меня сковывало всего,

не мог произнести ни слова. Однажды ночью Оно приходило трижды, наводило ужас. Влияло на желания, толкало. Оно — сила, ставит тебя в курс, убеждает, что ты кто-то и что-то. Однажды мне нужно было украсть. Оно давало мне как бы телеграмму, подсказывало, как это сделать. Иногда приходило ночью, сначала было сильно страшно, ощущение, что это надо мной. Появление Оно не связываю с какими-то определенными событиями. Приходит само по себе, мешает в одном, помогает в другом». Как мы видим, «Оно» хотя и наводит на Кулицкого страх, тем не менее не заслуживает у него лишь отрицательной оценки, как, впрочем, и иные нами описанные спутники. «Оно» оказывает ему помощь, советует, направляет поступки.

У Кулицкого диагностирована эпилептоидная психопатия. Он вменяем, но, поскольку здесь не решаются правовые вопросы, в частности о возможности применения уголовного наказания, вменяемость или невменяемость не играют сколько-нибудь существенной роли. Исключение состоит в том, что, поскольку вывод о невменяемости основывается на констатации психической болезни и ее симптомах, информация о них может плодотворно использоваться при исследовании причин, происхождения и природы некрофильских убийств.

VII. Шацкий, 28 лет, обвиняется в следующих преступлениях:

— совместно с неустановленным лицом ворвался в дом С., который проживал с престарелой матерью и о котором было известно, что он занимается коммерцией. Шацкий нанес ему множество ударов ножом, от чего тот сразу же скончался, затем вошел в другую комнату, в которой находилась его мать, и ее тоже убил путем нанесения множества ранений; у С. похищены крупные суммы денег;
— пришел в дом к своей знакомой, когда у нее были гости, и потребовал отдать ему золотые изделия, а когда та отказалась, нанес ей удар ножом в лицо и завладел ценностями;
— в подъезде дома напал на К. и, угрожая ей ножом, отобрал золотые изделия и деньги. К. вошла к себе в дом и рассказала о случившемся отцу, тот пустился в погоню за разбойником и отнял у него часть похищенного.

Ранее Шацкий был уже судим за изнасилование и отбыл 4 года в местах лишения свободы. Ни в одном из совершенных преступлений, в том числе изнасиловании, он не признается, объясняя все клеветой потерпевших и свидетелей. Такое отношение к содеянному раскрывает его субъективную позицию, абсолютно далекую от раскаяния и желания осознать свою вину. Во всех случаях разбойных нападений Шацкий угрожает ножом, и, если нужно, пускает его в ход. Вообще, он, по рассказам матери, жены, тещи и других свидетелей, крайне агрессивен и часто без видимых поводов может кого-нибудь избить. Об этом говорит и он сам: «Дрался часто. Помню только словесные конфликты, сами драки не помню, хотя почти всегда был трезв». Вспышки внешне немотивированной и жестокой агрессии у него чередовались с депрессией, мог долго смотреть в одну точку; иногда плакал (плакал не один раз в беседах со мной), утверждая, что его никто не любит и он никому не нужен. Однажды (еще до ареста) у него в связи с этим была истерика, началось заикание, появился нервный тик. Все это позволяет говорить о Шацком как о циклоидной личности, при этом и депрессия, и агрессия принимают у него крайние формы, причем агрессию надо расценить в качестве защитной. Депрессия и агрессия теснейшим образом связаны друг с другом и, как я попытаюсь доказать ниже, происходят из одного источника.

Защитная по смыслу агрессивность и глубокие депрессии с жалобами на свою ненужность проистекают из крайнего раннесемейного неблагополучия Шацкого. У его родителей долгое время не было детей, и поэтому они усыновили ребенка. Однако мать неожиданно забеременела и была вынуждена (именно вынуждена!) родить сына — Шацкого. Ввиду наличия уже одного ребенка и конфликтных отношений с мужем еще один ребенок был для нее крайне нежелателен, и она, как сама пояснила уже взрослому сыну, «делала все, чтобы не родить» (при этом воспоминании у него навернулись слезы). Что именно, он не решился у нее спросить, но всегда чувствовал, что он ей в тягость. Когда ему исполнилось 4 года, родители разошлись, отец взял старшего и уехал с ним на Украину, а Шацкий остался с матерью. Поскольку он ощущал, что ей не нужен (отцу тоже), он с ней «часто ругался. Ругался и после женитьбы. Она — эгоистка». Она в детстве передала его на воспитание бабушке, сама все время была на работе, устраивала в школу продленного дня: видел он ее редко. Итак, Шацкий пришел в этот мир не только нагим, но и нежеланным, и это имело для него фундаментальное значение, порож-

дая в одних случаях истерические состояния, а в других — агрессию, когда он начинал защищать свое право на существование, поскольку это право было поставлено под сомнение его собственной матерью. Следовательно, он страшился небытия, смерти, а поэтому защищался; уже по этой, психологической линии у него определилась некая связь со смертью. Потребность в защите у него была столь велика, что он с 7 лет начал заниматься спортивной борьбой, причем занимался ею неистово и, несмотря на хилое от рождения тело, стал кандидатом в мастера.

Как и у Кулицкого и некоторых других, у Шацкого есть некий незримый спутник, который направляет его поступки и всю жизнь. Он называет его судьбой и утверждает, что «меня все время что-то ведет. Например, я сам бы не пошел к С. (второй эпизод разбоя), меня туда толкнула судьба: я зашел к одному знакомому, и он мне сказал, что в том же доме живет любовница нашего общего знакомого, который умер. Я решил ее навестить, если бы он не сказал, то не зашел бы к ней. Значит, судьба. Вот еще судьба: мы с женой купили новую квартиру, поставили там только холодильник, как меня задержала милиция по этому делу. Было много других таких же случаев». В последующих беседах Шацкий называл судьбу духом, поясняя, что он находится не только внутри его, но и как бы снаружи, расставляя обстоятельства, которые тоже направляют его жизнь. В качестве примера успешного действия судьбы (духа) он приводит следующий: «на второй день после моего освобождения (отбывал наказание за изнасилование) я встретил ту, которая стала моей женой, через 1-2 дня мы с ней уже жили, и она сразу забеременела, хотя до этого жила с первым мужем и с беременностью у нее ничего не получалось».

Судьбу можно на короткое время остановить, считает Шацкий. «Некоторые мои поступки от меня не зависят, то, что отключается мой мозг, это кто-то делает. Я ночью разговариваю. Если судьбой (духом) положено сидеть — будешь сидеть, положено умереть в 25 лет, значит, так и будет. Сейчас тоже от меня ничего не зависит. Дело не в том, сколько и какие преступления ты совершишь, все зависит от судьбы. Работает программа. Дух не принимает черты человека, но в себе я ощущал, что это сильно направленный толчок, это — программа и ничего изменить нельзя». Таким образом, этот некрофильский человек полностью ощущал себя в руках судьбы — духа и свою неспособность на самостоятельные действия. Даже беременность жены он, как первобытный человек, объяснил вмешательством духа.

Очень интересны соображения Шацкого о смерти. На вопрос, что такое смерть, он сразу, не задумываясь, ответил: «Смерть — это хорошо, там душа есть». На следующий вопрос, почему он так думает, Шацкий пояснил: «Однажды мне дали укол наркотика, мое сердце остановилось, тело резко провалилось, а душа улетела, на короткое время я увидел солнечный свет. Были секунды блаженства. Я поэтому решил, что это хорошо, решил, что это смерть, там нет проблем, легко, радостно. Это было в 1993 г., когда я кололся. В смерти не должно быть хуже, чем здесь, поэтому на вопрос сразу ответил, что смерть — это хорошо. Я устал просто. Когда посадили в камеру (по данному делу), я вздохнул с облегчением. Кончились постоянные вопросы, проблемы дома, на улице, везде; денег не было, квартиры не было. И мать, и теща скандалили. Хоть я перед арестом купил квартиру, проблемы остались, поскольку не было денег, а меня преследовали рэкетиры».

Как мы видим, этому усталому и тревожному человеку смерть представлялась спасением, местом, где заканчивались жизненные трудности и он мог избавиться от забот. В этом аспекте смерть, по его представлениям, сродни тюремной камере, поэтому после ареста он вздохнул с облегчением. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что похвала смерти основывается на его личном опыте, когда после приема наркотика душа улетела в блаженство, и он счел, что именно это было смертью. Почему Шацкий решил так, заслуживает отдельного рассмотрения: по-видимому, к этому его предуготовила его некрофильская натура. Иными словами, если где-то хорошо, то есть где нет проблем и забот, то только в смерти, поэтому к ней надо стремиться, а посылать туда других вообще не является проступком, скорее наоборот. В данном аспекте представляет немалый интерес следующее воспоминание убийцы: «О первых годах после своего рождения я ничего не помню, но вот помню, что, когда был в утробе матери, слышал, как ругались мать с отцом. Мать кричала, что она уйдет, остальное помню все смутно». Скорее всего, это необычный рассказ представляет собой более позднюю галлюцинацию, тем более что ребенок в утробе не способен понимать речь. Важно другое, а именно то, что такая гал-

люцинация вообще имела место. Во-первых, еще в утробном, дожизненном состоянии Шацкий испытывал весьма тревожные переживания из-за семейных конфликтов, при этом сто́ит напомнить, что раннесемейное неблагополучие стало источником всех его жизненных несчастий. Во-вторых, интересен сам факт убеждения Шацкого в том, что он был способен функционировать в виде сознательного существа еще до своего рождения. Это позволяет сделать предположение, что Шацкий способен допустить подобное свой функционирование и после смерти, т.е. не представляет ее чем-то, где все обрывается и ничего нет.

В этом рассказе Шацкого тема материнской утробы явственно звучит как тема безопасного пребывания: находясь в ней, Шацкий без всякой опасности для себя наблюдает за острым конфликтом двух наиболее близких ему людей, которые, в сущности, призваны обеспечивать его безопасность, но этого, к сожалению, не делают. Находясь в утробе, он никак не может быть втянут в конфликт, который в противном случае мог бы грозить ему всяческими неприятностями. Я полагаю, что сюжет наблюдения за родительской ссорой из столь безопасного моста, скорее всего, вызывается потребностью в защищенности. Такая защищенность, как можно вывести из рассказов многих некрофильских убийц, обеспечивается утробой, тюремной камерой или смертью, либо единой в своем функциональном назначении триадой из тех же непременных элементов, взятых вместе.

VIII. Кулаков, 27 лет, ранее не привлекался к уголовной ответственности, с высшим военным образованием, был обвинен и осужден за совершение 7 убийств при следующих обстоятельствах.

В г. Магнитогорске, где он жил и работал, он сожительствовал с Б., которая со своим сыном и матерью собиралась уехать на постоянное жительство в Израиль. Кулаков тоже намеревался уехать туда, но не получил разрешения, поскольку не являлся евреем и не был женат на еврейке (Б. отказалась выйти за него замуж). Вообще, отношения между ними были напряженными, а в последнее время остро конфликтными из-за ее отказа связывать с ним свою жизнь. Из-за этого Кулаков схватил ее за шею и сдавил, но ей удалось вырваться и позвать родных. Родственники Б. боялись его. В октябре 1996 г. он приехал в г. Магнитогорск из Екатеринбурга, где в последнее время проживал с родителями, и пришел в дом родственников Б., откуда она на следующее утро должна была уехать в Израиль с сыном трех лет и матерью. С собой он принес два ножа и две газовые гранаты. После короткого разговора с Б. нанес смертельные ножевые ранения ей, ее сыну и матери, двум родственницам, хозяйкам квартиры. Затем ему показалось, что в эту квартиру заглянул кто-то из соседней (это не исключалось, но установить точно невозможно, поэтому он вошел туда и ударами ножа (или ножей) убил хозяйку квартиры и ее гостя. Всего убийца нанес 118 ударов ножом (ножами) примерно за 10—15 минут. Он буквально сокрушил все живое вокруг и после убийства скрылся.

Действия Кулакова были квалифицированы как месть Б. за то, что он не смог с ее помощью уехать в Израиль. Я попытаюсь доказать, что это не является действительным мотивом убийств, а ее отказ вступить с ним в брак есть не что иное, как только предлог для совершения 7 убийств, а Кулаков принадлежит к числу некрофильских убийц, мотивом преступлений которых выступает причинение смерти. Предлог (или повод) играет роль последней капли, мгновенно запускающей механизм тотального уничтожения всего живого. Такие, как Кулаков, совершают преступления не против личности, а против жизни. Им, собственно, все равно, что за человек становится их жертвой, главное, что он носитель жизни и уже по такой причине подлежит смерти. Именно поэтому Кулаков обладает типичными чертами некрофильских убийц: переживает особое состояние во время совершения преступления; не испытывает никакого раскаяния и жалости к своим жертвам ни во время убийств, ни после, его не мучают угрызения совести; сами убийства совершаются быстро и легко; у него есть некие таинственные спутники.

Во-первых, если бы поведение Кулакова мотивировалось лишь местью Б., то он убил бы только ее, а не всех вокруг, в том числе трехлетнего ребенка. Времени для расправы с Б. было достаточно, поскольку она отказалась выйти за него замуж не накануне отъезда в Израиль.

Во-вторых, о том, что Кулаков приехал в дом, где остановилась с семьей Б., только убивать, свидетельствует то, что он взял с собой два ножа и две ручные гранаты. Его объяснение, что нож он привез в подарок сыну Б., звучит смехотворно, поскольку он не мог не понимать, что трехлетнему ребенку никак не нужен нож. Но если даже допустить, что один нож предназна-

чался мальчику, то остается непонятным, зачем нужен был второй нож и гранаты, если не для убийств.

В-третьих, обращает на себя внимание сам характер действий Кулакова: он сокрушает все живое вокруг, почти сразу же начинает убивать лишь после короткого разговора со своими будущими жертвами в квартире родственников Б. Их соседей он убивает тоже сразу, не попытавшись предварительно выяснить, действительно ли им что-то стало известно о совершенных им 5 убийствах.

Во время первых допросов убийца пояснил, что плохо помнит, как убивал, но хорошо — что этому предшествовало и было потом. Подобное объяснение похоже на правду, поскольку и многие другие некрофильские убийцы таким же образом описывают свои состояния — похоже, что он находился в экстазе. Экстатическое состояние предполагает временное отключение от реальности и трансперсональность — выход за пределы своей личности, смутные, размытые впечатления от пережитого; поступки совершаются как бы по некоторой заранее заложенной программе, не охватываемой сознанием или осознаваемой лишь частично.

В-четвертых. Кулаков не испытывает и не испытывал никаких угрызением совести, даже по поводу убитого им ребенка, причем и тогда, когда давал признательные показания. О том, что он и не помышляет о раскаянии, свидетельствует еще несколько обстоятельств: после первых допросов он стал отрицать свою вину, причем защищался весьма активно и изворотливо; стал симулировать душевное заболевание, что также красноречиво говорит об абсолютном нежелании раскаяться в содеянном. Такое поведение есть убедительное доказательство его эмоциональной холодности и неумения идентифицироваться с другими людьми, следовательно, о высокой степени его психологического отчуждения.

В-пятых. Кулаков, как показало его психологическое изучение, представляет собой весьма агрессивную личность, агрессивность которой тесно переплетается с ее высокой тревожностью. При этом последняя развивается больше под воздействием субъективных, чем внешних факторов, что, в свою очередь, во многом определяет его интравертированность. Агрессивность его натуры проявилась не только во множестве совершенных им убийств, но и в постоянной тяге к оружию: у него, кроме ножей и газовых гранат, были изъяты газовый пистолет, патроны и кастет; он очень интересовался единоборствами и, по его же словам, мастерски владел ножом; перенес три травмы головы, полученные в разных конфликтных ситуациях; проявлял агрессию к Б., что и послужило одной из причин ее отказа выйти за него замуж. Все это в совокупности говорит о его постоянном ощущении опасности и готовности противостоять ей, защищая себя.

Кулаков весьма ригиден, мнимые и действительные обиды и поражения надолго застревали в его психике и детерминировали его поведение, данное обстоятельство определило то, что в качестве повода для убийств стал отказ Б. вступить с ним в брак. Это была тяжкая рана, нанесенная его высокой самооценке. Вместе с тем он достаточно инфантилен, и его попытки выглядеть значительной и сильной личностью, сама манера держаться напоминают неуклюжие попытки ребенка выглядеть взрослым. Симулируя душевную болезнь, он в беседе обронил, что не может отвечать на вопросы без разрешения родителей: эта оговорка весьма показательна и демонстрирует меру его психологической зависимости от отца и матери. Со своей стороны, родители сразу же взяли сына под самую активную защиту, на протяжении всего следствия и суда оказывали ему всемерную материальную и психологическую поддержку, принимали все меры, чтобы выгородить его и даже отвести от него угрозу уголовного наказания. Сам же Кулаков, человек дезадаптированный и одинокий, находил признание в основном в родительской семье, мог опираться на нее во всех своих жизненных катастрофах, более того, что очень важно, найти оправдание в ее глазах.

Дезадаптация и аутичность — характерные черты личности этого убийцы, что в сочетании с его агрессивностью, жестокостью, ригидностью, эмоциональной холодностью и отсутствием идентификации, высокой тревожностью, доходящей до страха смерти, делают его чрезвычайно опасным.

В-шестых, у Кулакова тоже были свои таинственные спутники, которые во многом направляли его поведение, в том числе, по его же словам, в негативную сторону.

Он рассказал: «Я встречался с мертвецами, с людьми из прошлого и будущего одновременно. Они в этом и в том мире, больше в том, но легко переходят туда-сюда. У них есть сила, но они не всегда ее проявляют. Они отводили меня от неприятностей, помогали, но и сбивали

с курса, которым я шел. Мой курс был правильный. Где-то была их вина тоже. Они меня снабжали информацией, кем я окажусь; не каждый знает, кто он такой... Мертвецы появлялись вокруг меня... Они делали мне какие-то условные знаки, которые я понял позже. Знаки указывали, как вести себя. Мертвецы знали, что произойдет, что я убью. Я считаю себя человеком из другого существования... Кто-то меня постоянно сопровождает, может быть, оборотни, а также мертвецы. Мертвецы были вехами на том пути, по которому я шел. Я видел мертвецов, но есть невидимые, которые потом входят в живых».

Однако нельзя забывать, что Кулаков признан симулянтом и все его рассказы о мертвецах могут быть частью симулятивной продукции. Но и тогда ее ни в коем случае нельзя игнорировать, точнее — ее содержание. Иными словами, он не ощущал рядом с собой никаких мертвецов, а попросту придумал их. Даже если его рассказы представляют собой часть симуляции, то возникает вопрос, почему в целях обмана он стал рассказывать о мертвецах, а не, скажем, о танцующих нарах или мудрых старцах. Значит, в любом случае выбор именно мертвецов говорит об исключительной близости Кулакова к миру смерти, и сам он (с учетом перечисленных выше психологических особенностей и специфики поведения) может быть назван некрофильской личностью. Мотив его поведения — причинение смерти и таким способом максимальное приближение к ней, образно говоря, вхождение в нее. Действительно ли ощущал Кулаков присутствие мертвецов в качестве своих спутников или пытался лишь симулировать на эту же тему, они, естественно, остаются самым полным, наглядным и ясным символом гниения и смерти.

IX. Ершов, 1979 года рождения, ранее не судимый, в 1991 году был призван в армию. К армейской службе относился добросовестно, все задания исполнял, старался вести тихое и незаметное существование, ни с кем дружеских связен не поддерживал. Однако это ему не удавалось, поскольку он стал объектом насмешек и издевательства — в основном из-за невзрачной внешности, маленького роста и неумения постоять за себя. Доведенный до отчаяния притеснениями, он в 1992 году ударил ножом в шею и кирпичом по голове одного из своих главных мучителей, после чего дезертировал из армии (служил в г. Хабаровске) и уехал в Красноярск. Проживая на нелегальном положении и под чужой фамилией, на территории города и края он совершил 19 убийств (убил 17 женщин и двух мужчин), 9 покушений на убийства и ряд изнасилований, в том числе насиловал тех, кого потом убил, и еще 8 женщин, которые остались неизвестны следствию. Он же совершил более 150 краж, грабежей и разбоев.

Убийства в основном совершались при следующих обстоятельствах. Заметив одинокую женщину, он выслеживал ее, входил с ней в подъезд дома, где нападал сзади, придушивая за горло, после этого насиловал и убивал ножом. У всех жертв он брал их вещи и документы, однако, что следует особо подчеркнуть, он их не продавал, а только хранил там, где жил, не пытаясь извлечь из этого какую-то материальную пользу. Собирал и хранил также все газеты, в которых сообщалось о совершенных им преступлениях. Необходимо обратить внимание на то, что Ершов вел список своих нападений с указанием времени, места, пола жертвы, орудия, способа, результата, первый список было составлен им в 1993 году, переписан в 1995 году, все записи сделаны весьма тщательно.

Все три факта — сохранение вещей жертв, собирание газет и ведение списка жертв — не могут не иметь внутреннего смысла и должны быть интерпретированы. Совершенно очевидно, что они отражают какие-то очень важные субъективные процессы, имевшие место у Ершова, а следовательно, дадут возможность лучше понять его и объяснить его преступления.

Вначале убийца выбирал жертв (женщин) спонтанно, не вполне осознавая, что он ищет; в последующем, особенно на протяжении всего года (им в этот год было убито 14 женщин) он уже выходил как на охоту, иногда — днем, иногда — вечером и ночью только для того, чтобы изнасиловать и убить, причем в большинстве случаев убийство не вызывалось необходимостью «замести следы» или сломить сопротивление жертвы, когда преступник не рассчитывает силу нападения и, не желая того, убивает. Убийства совершались им ради убийства. В один день, 27 августа, он убил двух женщин, но в разное время суток и в разных местах г. Красноярска.

Им было убито еще двое мужчин, еще трем он нанес тяжкие телесные повреждения и еще трем — легкие. Но он ни разу не был инициатором нападения на них: первое убийство было совершено в 1999 г. — он убил милицио-

нера, который хотел доставить его в милицию для проверки, однако Ершов не мог этого допустить, поскольку был дезертиром. Вторым убитым оказался мужчина, который пытался отнять у него сумку. Все остальные пострадали тогда, когда пытались задержать его; достойно упоминания, что четверо потерпевших были сотрудниками милиции, они все предпринимали усилия, чтобы схватить его, но он сумел ранить ножом всех четверых и скрыться. Он был задержан жителями дома, в котором убил 15-летиюю девушку: он ее пытался изнасиловать, но она оказала столь яростное сопротивление, что это ему не удалось, и он убил ее ударом ножа в горло. Одному из тех, кто пытался его задержать, нанес ножом тяжкое телесное повреждение. Это произошло 29 октября 1999 года.

Все убийства, кроме одного, были совершены ножом. Нож, а чаще два ножа, он все время носил с собой.

Нам предстоит выяснить, почему он совершил все эти тягчайшие преступления, но при этом я буду опираться лишь на материалы уголовного дела, а не на результаты личных контактов с Ершовым. Это, естественно, ограничивает мои возможности.

Чтобы понять Ершова и уяснить мотивы его поведения, необходимо в первую очередь выяснить, что это был за человек и какую жизнь он прожил. А жизнь он прожил, в общем-то, несчастную.

Родился в семье, в которой родители то сходились, то расходились, часто скандалили и часто пили. Отец, по словам матери, болел шизофренией и лечился в психиатрической больнице. После последнего развода Ершов ушел жить к отцу, который постоянно менял сожительниц и иногда подолгу лежал в больнице, а мальчик ночевал у него в палате. Когда ребенку исполнилось 6 лет, отец умер, и он перешел жить к матери. Она тоже время от времени меняла своих сексуальных партнеров, некоторые из них били ее на глазах у сына.

Учился в школе весьма средне, но способности у него были. Так, он участвовал в школьных олимпиадах, пел в хоре, занимался спортом. Но, к несчастью, из-за невзрачного вида, постоянной неопрятности и особенно маленького роста соученики его презирали, что выразилось, например, в уничижительных кличках: «Полиграф Полиграфович» (после появления фильма «Собачье сердце») и «Нафик» (он любил «посылать» «на фиг»). Особенно он переживал в связи с тем, что его отвергали девочки (девушки), которые старались не поддерживать с ним никаких контактов, непосредственно не связанных с учебой. Это заложило прочную ненависть Ершова ко всем женщинам, которые отвергали его, демонстрируя ему его собственное ничтожество, а в таком качестве он никак не мог принять себя. Поэтому в школе он нередко пытался утвердиться и отомстить путем совершения разных мерзостей: так, клал девочкам в их портфели только что родившихся, еще в крови, крысят. Между тем, сексуальные проблемы его очень мучили, но он их не был способен снять, например путем вербализации, из-за своего отчуждения; поэтому не принимал участия в скабрезных разговорах мальчишек, загоняя свои мучения вглубь, где они начали обретать могучую силу, которая стала направлять его поведение. Отчуждение от семьи и сверстников привели к тому, что он не воспринял моральные нормы.

Такая же жизнь продолжалась у Ершова и в армии; как и в школьные годы, здесь его презирали и преследовали, его нападение на одного из своих мучителей и побег из воинской части выглядят как вполне естественная и понятная реакция на невыносимые условия существования.

Неудачно сложилась у Ершова и сексуальная жизнь. Мало того что он был невзрачен, неопрятен и мал ростом, у него еще был, как констатировал сексолог, небольшой половой член, и он отличался быстрой эякуляцией, не мог продолжать половой акт более одной-полутора минут. Он в первый раз поцеловал женщину лишь после того, как бежал из армии. Его давняя, идущая со школьных лет ненависть к женщинам становилась не более жгучей: ведь это они во всем виноваты, это они демонстрировали ему его собственную биологическую и социальную несостоятельность, ставя под сомнение его право на жизнь. Не мог же Ершов обвинять сам себя, он, отчужденный, потерянный, постоянно защищающийся и даже живущий на нелегальном положении; его преследовали все другие, и он не был в состоянии присоединиться к ним.

Таким образом, Ершов оказался в тисках мучительных внутренних проблем, что в условиях его психологического отчуждения и неприятия этических норм, высокой тревожности и ригидности, застревания эмоций, эмоциональной холодности и отсутствия способности к идентификации направляли его поведение на совершение тягчайших преступлений. Однако названных психологических особенностей, как

и наличия ненависти к женщинам, явно недостаточно для объяснения того, почему Ершов совершил так много насильственных преступлений, почему не только мстил, но и убивал ради удовольствия убивать. Ведь на свете сексуальных банкротов несравненно больше, чем сексуальных убийц. После очередного убийства он давал себе слово прекратить их совершение, но продолжал вновь и вновь действовать так же. Иногда ему казалось, что он убивал и насиловал не наяву, а во сне, и он даже несколько раз приходил к месту очередного убийства, чтобы убедиться, что все это было в действительности. В ряде случаев предполагал, что является лишь исполнителем своих снов, в которых насиловал женщин. Подобные сны отражали его высокую агрессивность и ненависть к женщинам. Ощущение призрачности им же совершенных преступлений выдает его бессознательную попытку избавиться от мучившего его чувства вины.

Итак, какие еще обстоятельства детерминировали преступное поведение Ершова?

1. Ершов, несомненно, является некрофильской личностью, о чем говорит значительное число совершенных им убийств и покушений на убийств. В причинении смерти он ощущал решение своих проблем, но это были ложные надежды: его мощно влекло к ней, и он продолжал убивать. Сама по себе смерть влекла его к себе давно и, что очень важно отметить, еще тогда, когда сексуальные и иные проблемы не были столь болезненно заострены. Так, еще школьником он убил двух собак и множество кошек, свернул шею раненому вороненку, которого выхаживала его сестра. При этом старался убивать животных с возможно большей жестокостью.

Не забудем также, что предшествовавшие убийствам изнасилования представляли собой попытки демонстрации его мужских достоинств, неудачных самоутверждений, поскольку сомнения в своей мужской силе нисколько этим не снимались.

О том, что Ершов является некрофилом, свидетельствует и такой факт: однажды, когда он обедал со своей любовницей, он предложил ей представить, что стоящая перед ними тарелка с макаронами полна не ими, а червями, и, несмотря на ее протесты, продолжал настаивать, что это черви. Почему он это предположил, что означают, что символизируют черви? Червь — это символ из того некрофильского ряда, который анализировал Э. Фромм и который включает в себя нечистоты, экскременты и другие гниения и продукты распада, хотя Э. Фромм прямо и не называет червей. По мнению К. Г. Юнга, червь есть либидозная фигура, которая убивает вместо того, чтобы давать жизнь. Это, по словам Х. Э. Керлота, выводится из его «подземных» ассоциаций, низменных характеристик, его связи со смертью и с биологическими стадиями распада и смерти. Вот почему «ви́дение» Ершовым червей есть проявление его некрофильской натуры.

Отмеченные выше факты собирания газет с сообщениями о совершенных Ершовым убийствах, сохранения вещей и документов убитых и особенно ведения им списков убийств следует интерпретировать как проявление его некрофильской натуры: сохранение смерти жертв как можно дольше и при себе.

2. По мнению нейропсихолога, у Ершова наблюдается выраженность фемининных черт, в то время как он подчеркивает значение маскулинности у мужчины. Это может означать следующее: убийство женщин есть отрицание своей фемининности или самоубийство на символическом уровне. Для него это было очень важно, поскольку могло бы снизить его патологическую неудовлетворенность самим собой как мужчиной.

3. По словам Ершова, когда он нападал на женщин, насиловал и особенно когда убивал, он был как «в тумане», не всегда понимал, произошло ли это во сне или наяву, сомневался даже в том, была ли эрекция. Все это позволяет думать, что во время совершения преступлений убийца был в экстатическом состоянии. Такое состояние означает выход (попытку выхода) за пределы своего я, трансцендентирование. Подобные трансперсональные состояния для него были весьма желательны, поскольку он во всех (во всех!) отношениях был неудовлетворен собой и поэтому стремился выйти за пределы своей несчастной личности в иные измерения, где не было столь травматических переживаний.

Отмеченные мною четыре субъективных фактора, переплетаясь между собой и усиливая друг друга, мощно мотивировали преступное поведение Ершова.

Х. Лепнев, 18 лет, ранее не привлекался к уголовной ответственности. Обвинялся в том, что 9 марта 1997 года, закончив дежурство по Высшему военному училищу в г. Камышине, расстрелял из автомата командира взвода и пятерых слушателей, еще одному слушателю причинил тяжелый вред здоровью. После

этого со своим приятелем, тоже слушателем, скрылся с оружием в лес, из которого они в тот же день вышли, вернулись в город и пришли в дом к своей знакомой, где через несколько часов были задержаны. Доказывание вины Лепнева не представляло сложности, сам он неизменно признавал себя виновным. Значительно труднее было установить мотивы преступных действий убийцы и наличие у него расстройств психической деятельности.

На мой взгляд, Лепнев является некрофильской личностью, и убийство 6 человек совершено им в силу влечения к смерти. К этому выводу меня приводят следующие соображения.

1. Лепнев постоянно стремился куда-то уйти, выйти из систематически переживаемых психотравмирующих ситуаций, каковыми становились практически все обстоятельства его жизни. Не было ни одной их совокупности, которые не вызывали бы его тяжкие переживания:

а) как только возникали трудности в родительской семье, он тут же уходил из дома. Правда, сам Лепнев описывает отношения в ней в сугубо идиллических тонах, т.е. как отношения любви, понимания и поддержки между родителями, его старшим братом и им, никаких ссор, никаких конфликтов... Между тем эти пасторали вызывают серьезные сомнения и доказывают стремление Лепнева жить не в реальном, а в вымышленном мире:

1) он в беседе проговорился, что друзей у него было мало, но и тем, кто был, он никогда не доверял то, что происходило у него в семье, так как нельзя выносить сор из избы;
2) на мою просьбу рассказать о самых значительных событиях детства перечислил следующие: «однажды соседка принесла клубнику, и я побежал к ней через кровать»; «в детском саду была стычка с одним мальчиком, который украл у меня космические рисунки»; «мне было 7 лет, когда я разбил голову о батарею»; «помню первый звонок в школе»; «помню прием в пионеры»; «помню первую девушку, которая мне понравилась». Несмотря на настойчивые расспросы, испытуемый больше ничего из своего детства вспомнить не мог: таким образом, из его рассказов родители исключены полностью, что не может быть случайностью и свидетельствует о каких-то глубоко скрытых конфликтах в семье. Они произвели на него сильное впечатление, но в силу своего травматического характера не рефлексированы;

б) Лепнев после окончания восьми классов ушел из школы, там оказалось много пьяниц и наркоманов, и он вернулся в школу. Закончив ее, поступил в военное училище, но там тоже оказалось плохо, и уже через полгода стал тщательно продумывать план ухода из училища. Предлогом послужили якобы придирки со стороны командира взвода, которого он впоследствии убил. На самом деле никаких придирок не было — Лепневу каждый месяц объявлялась благодарность, что, конечно, невозможно без учета мнения командира взвода. Конфликт с ним — лишь плод воображения убийцы, и если он хотел мстить лишь командиру, то непонятно, почему он стрелял еще в шестерых других, с которыми у него, по его же словам, были нормальные отношения.

Необходимо отметить, что Лепнев подготовил письменный план расправы и взрыва в караульном помещении, предусмотрев в нем запас продуктов для длительного пребывания в лесу, но и из леса он вскоре ушел и вернулся в Камышин. Таким образом, из училища — уход в лес, из леса — в город. Наличие же письменного плана нападения с уничтожением многих людей само по себе исключает аффект — преступление психически было тщательно подготовлено. Командир взвода был бессознательно избран в качестве предлога для уничтожения людей. Если даже допустить, что командир взвода каким-то образом преследовал Лепнева, все-таки это не дает ответа на коренной вопрос: почему для решения конфликтной проблемы было избрано убийство, да еще не одного только командира, а не какой-либо иной выход из ситуации? Ответ содержит в себе разгадку очень сложной мотивации поведения Лепнева;

в) после приема спиртных напитков Лепнев обычно стремился куда-то уйти, куда — объяснить не мог. Он рассказал: «Вообще мне не нравится веселье, общество. Нравится природа. Люблю к ней ходить один, без людей. Могу один просидеть час, два, три, чувствую каждый миллиметр природы. Очень люблю уединение»;

г) постоянные попытки ухода имели место не только на физическом уровне (из семьи, школы, училища, леса), но и на психологическом:

1) он с детства увлекался фантастикой (вспомним конфликт в детском саду с мальчиком, который украл у него фантастический рисунок), предпочитал фантастику, приключения и историю другим литературным жанрам, писал фантастические рассказы, некоторые из которых были опубликованы;

2) приобретал литературу по магии и мистике, увлекался колдовством и магией, сам ставил магические опыты, в том числе с пятью свечами, одна из которых олицетворяла его самого;
3) очень часто бежал и во сне. Он рассказал: «Плывешь, бежишь, хочешь добежать до чего-то или убежать от чего-то, постоянно лезу на дом или в горы, на какую-то высоту. Падаешь, но умеешь зацепиться. Иногда бывал очень яркий сон, краски, полдня ходишь под его влиянием. Убегаешь, но не можешь убежать, потому что двигаешься медленно. Иногда чудовище гонится за мной».

Итак, Лепнев постоянно стремился куда-то уйти, выйти из психотравмирующих ситуаций, которыми становились все обстоятельства его жизни. Преследующее его во сне чудовище можно интерпретировать и как жизнь, которая его преследует. Практически не было обстоятельств, которые не вызывали бы его фрустрацию. Так, когда девушка не хотела продолжать отношения с ним, он расценивал это как катастрофу. Юношам, как известно, свойствен максимализм, и они весьма чувствительны в сфере контактов с девушками, однако Лепнев отнюдь не считал себя обойденным женским вниманием и пользовался неизменной симпатией со стороны своих подруг (сверстниц).

2. Лепнев испытывал постоянную близость к смерти, он, образно говоря, одной ногой жил в ней. Отношение у него к смерти амбивалентное — страх и влечение одновременно.

— Часто думал о ней, о том, что такое загробная жизнь. Он считал, что «там нет ничего, нет загробной жизни, но и нет, чтобы все закончилось. Уходим в космос, на другую планету. Происходит перерождение, толчок в новое разумное существо. Если бы был шанс вернуться обратно, я бы ушел в смерть, чтобы узнать, что там». Увлечение колдовством и магией объясняется именно тем, что хотел узнать, что такое смерть. С помощью колдовских (магических) опытов пытался «переступить грань между жизнью и смертью, чтобы потом вернуться. Главное — узнать, что за этой гранью, есть ли рай, ад и все остальное. Оккультные науки отделяли от смерти на пол-шага. Когда я освоил теорию оккультизма и магии, я почувствовал, что меня тянет в неизвестное — это и не смерть, а среднее между жизнью и смертью». Если буквально следовать последним словам, то его тянуло к тому, что уже не относится к жизни. О том, что тянуло в смерть, он говорит совершенно ясно.

— Лепнев не только думал о смерти и пытался проникнуть в нее с помощью не только магии, но и самоубийства. Об этом он прямо сказал в беседе: «Думая о самоубийстве, я хотел узнать, что будет со мной после смерти». Мысли об этом у него не расходились с делом: он 5 раз пытался наложить на себя руки, два из них были особенно серьезны. Первая попытка состоялась, когда ему было 12 или 13 лет: он с помощью химических препаратов приготовил отравляющий газ, которого, по его словам, хватило бы на «всю нашу квартиру, а не только на комнату, где я в то время был. Но в последний момент раздумал и выбросил смесь в окно». Вторая — примерно через год после первой, когда он накачал в шприц нитроглицерин, впрыснул его в конфету, а ее положил среди других конфет. Потом, как бы играя с судьбой, выбрал одну, которая оказалась как раз с нитроглицерином, и съел ее. Пошла кровь из ушей и из носа, вызвали скорую помощь.

Последняя суицидальная попытка имела место уже после ареста и носила скорее демонстративный характер — он желал показать меру своего раскаяния.

— Связь с «потусторонним миром» осуществлялась и путем вызывания духов: во время оккультного сеанса «мне было интересно, смогу ли я вызвать духов, которые должны подчиняться мне, но я и сейчас не уверен, что это можно сделать». Во время одного такого сеанса свеча, которая олицетворяла его самого, потухла, в то время как остальные продолжали гореть. Этот эпизод он интерпретировал как неизбежность своей скорой смерти.

— Связь с «потусторонним миром» происходила и через некие таинственные силы. Речь идет о следующем: еще в почти детские годы, в пятом — шестом классах, примерно 5—6 раз в неделю Лепнев стал ощущать затылком чей-то взгляд. Когда он оборачивался, то иногда обнаруживал сзади знакомого, в других случаях знакомых не видел. Поясняет: «Не знаю, хотел ли что-нибудь смотрящий мне в затылок от меня или нет». Обращает на себя внимание, что ощущение, что кто-то смотрит ему в затылок, появилось в 12—13 лет, то есть тогда же, когда предпринимались первые суицидальные действия. Вряд ли можно здесь говорить о простом совпадении, скорее, как я полагаю, это разные формы влечения и интереса к загробной жизни.

— Иногда во сне видел червей, причем черви были большие, «с меня ростом, я с ними боролся». Черви, согласно Х. Э. Керлоту и К. Г. Юнгу, символизируют смерть и гниение.

— Ощущал себя сопричастным смерти и в том смысле, что мог способствовать ее наступлению. Так, он считал, что содействовал смерти своей бабушки: в день ее кончины родители уехали на дачу, оставив на его попечение тяжелобольную старую женщину. Он подошел к ее кровати, чтобы поправить постель, и при этом подумал: «Если может быть без мучений, пусть живет, если нет, то пусть умрет». Затем он ушел на кухню и вскоре перестал слышать стоны. Забеспокоившись (она до этого все время стонала), вернулся в комнату и обнаружил, что бабушка мертва.

Этот печальный эпизод Лепнев интерпретировал так, что его мысли вызвали ее смерть, т.е. приписал себе некоторый особый дар, умение вступать в контакт со смертью. Он вообще приписывал себе сверхъестественные способности, о чем говорил своим знакомым. Например, считал, что сможет добиться изменения поведения своих знакомых, если этого очень захочет.

3. Все убийства совершены в караульном помещении училища. Рассказ о них Лепнева весьма информативен для понимания некрофильской натуры этого человека. Он сначала выстрелил в командира взвода, а затем стал стрелять во все, что двигалось или шевелилось: «Я людей этих не видел, руки автоматически направлялись туда, где было движение. Так, я пошел в курилку и стал стрелять там, поскольку увидел движение двери и понял, что кто-то вошел туда». Я обращаю на этот момент особое внимание, поскольку движение есть сама жизнь, в равной мере как и шевеление, ибо и шевелиться может только живое. Он даже не знал, в кого стреляет. Он убивал жизнь.

4. Лепнев писал фантастические повести и рассказы, одна повесть была даже напечатана в «Пионерской правде». В своих произведениях он описывал и убийства, которые, конечно, совершали фантастические существа и в благих целях.

Сказанное позволяет мне утверждать, что убийство шестерых человек и причинение тяжкого вреда здоровью еще одного мотивировалось именно влечением к смерти.

XI. Акопян, 42 года, ранее судимый за педофилию, был вновь привлечен к уголовной ответственности за серийные изнасилования и серийные убийства.

На второй день беседы он вдруг неожиданно признался мне, что совершил еще одно убийство, о котором следователь якобы не знает. Рассказ его об этом был таков: «Однажды ко мне домой вечером пришел сильно пьяный знакомый, которого я не звал. Он заснул у меня на кухне за столом. Я не знал, что с ним делать, тогда я его убил, расчленил тело, отдельными кусками вынес из квартиры и разбросал подальше от дома». На мой вопрос, зачем понадобилось его убивать, ведь можно было его просто выбросить, вытолкать на лестницу или на улицу, Акопян, немного помолчав, дал совершенно потрясшее меня объяснение: «Я просто не подумал об этом!» Иными словами, убийство человека было для него самым простым и доступным для него способом решения обыденной и совсем не сложной жизненной ситуации. Оказалось, что убийство, расчленение трупа и вынос частей тела из дома были для убийцы гораздо проще, чем вытолкнуть из квартиры пьяного человека, который никак не мог бы этому сопротивляться.

«Я просто не подумал об этом!» — ключевая фраза для понимания личности этого убийцы. Смерть, убийство — первое и единственное, что ему приходит в голову, он не знает никаких иных вариантов действий, он «просто не подумал о них».

Акопян — типичный некрофил. Смерть с ним рядом, всегда под рукой, к ней можно прибегнуть в любое время и она не подведет. Он — человек смерти, с помощью которой можно решить и пустяковые проблемы. Его приговорили к смертной казни, он воспринял приговор спокойно, не возмущался, ни о чем не просил, в том числе о помиловании — ведь он был человеком смерти.

XII. В 2014 году в одной из центральных областей России орудовала группа из пяти человек, из них одна женщина (Лактионова), остальные мужчины (Васильев, Евсюков, Мельников и Крещенко). Все они были в возрасте от 19 до 24 лет, из них ранее осуждались лишь Мельников и Евсюков. Все признаны вменяемыми.

В теплое время года они совершали 7 нападений с целью убийства на мужчин, спящих в парках или на станциях железных дорог. Каждому потерпевшему было нанесено не менее 50 ранений ножом или молотком, шестеро убиты, седьмой смог убежать. Лактионова участвовала во всех нападениях и, по словам ее соучастников, часто выступала в качестве инициатора, наносила удары ножом. В двух случа-

ях преступники объясняли убийство неславянской внешностью жертвы, в других, поскольку было темно и не было видно лиц жертв, они объясняли, что потерпевшие были лишними людьми, пьяницами и бездомными и лишались жизни для очищения общества.

Таких случаев в мире немало: иногда появляется соблазн убить старого или неизлечимо больного человека; такое нередко творится в больницах.

В газете «Пари-Матч» № 43 от 1989 г. рассказывалось о судебном процессе над четырьмя медицинскими сестрами и санитарками службы гериатрии (медицины для престарелых) одной из венских больниц. Эти медработники убивали надоевших им пациентов престарелого возраста, в основном передозировкой снотворных и сильнодействующих препаратов, вводимых внутривенно. Почувствовав безнаказанность, стали убивать всех, чем-то им не понравившихся или слишком требовательных стариков. Санитарка В. Вагнер с 1987 по 1989 год зажимала нос жертве, заполняя в то же время рот водой. Смерть наступала в результате отека легких. Полиция не смогла установить полный список жертв этой убийцы — 200 или 300?!

Эти преступные действия, когда стариков приканчивали, как животных, вызвали настоящий шок в австрийском обществе. Канцлер Австрии Франц Враницкий охарактеризовал эти преступления как самое «жестокое и тяжелое в истории страны».

Эти медсестры и санитарки, и особенно, конечно, Вагнер, являлись некрофильскими личностями, отправив на тот свет несколько сотен человек, они обслуживали смерть и добились в этом деле впечатляющих «успехов». Слугой смерти с конца 1950-х годов проявил себя некто Геворкян, прозванный «доктор смерть», который изобрел и сконструировал особый аппарат для безболезненной смерти неизлечимо больных. Он использовал аппарат всего один раз, за что был осужден, а аппарат был уничтожен. Сам «доктор смерть» рассчитывал, наверное, на его многократное употребление.

На мой взгляд, приведенные примеры и комментарии к ним убедительно доказывают, что некрофил — вполне реальная фигура и это скорее всего архетип — достаточно вспомнить маршала де Рэ. Некрофильские преступления (как правило, это убийство) требуют особого правового регулирования, как и иные общественно опасные действия, совершенные невменяемыми некрофилами.

Можно привести перечень наиболее характерных черт личности некрофила:

— дезадаптация, отчуждение и отсутствие общественно полезных связей, одиночество;
— восприятие убийства как чего-то приятного, радостного и понятного;
— полное отсутствие раскаяния, в большинстве случаев непонимание, что это такое;
— желание найти надежное убежище (в камере тюрьмы, утробе матери, пещере), что также свидетельствует об отчуждении;
— отсутствие повода к убийству или ничтожность повода;
— ощущение, что убийство — это помощь смерти;
— паранояльность и бред преследования;
— ощущение, что есть еще некто (или нечто) в нем самом, что толкает на убийство;
— любовь к крови и тяготение к ней;
— влечение ко всему мертвому;
— представление, что совершенное убийство является очищением общества;
— ощущение, что он сам является носителем зла;
— постоянная агрессивность;
— страх смерти и в то же время ее высокая положительная оценка;
— положительная оценка смерти безотносительно к тому, кто может умереть;
— высокий уровень тревоги;
— эмоциональная холодность.

Чаще всего у отдельного человека перечисленные черты встречаются в совокупности и в различных сочетаниях.

Проведенное исследование наглядно и, помоему, достаточно убедительно доказало существование еще одного вида убийств, до сих пор никак не обозначенного в уголовном законе. Это некрофильское убийство.

Для его выделения имеются все основания, как мне представляется. Разумеется, любая статья любого кодекса рассчитана на неопределенный круг лиц. Поэтому предусмотреть в ней все случаю попросту невозможно. Если взять некрофильское убийство, то окажется, что это такой вид, который не подпадает ни под один из признаков, перечисленных в ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса России. Даже такие названные в этой статье отягчающие обстоятельства, как убийство с особой жестокостью или убийство двух или более лиц. Так, убийство с особой жестокостью может быть, если жертва связана и на ее глазах, чтобы продлить или (и) усилить ее мучения, ведутся приготов-

ления к убийству. Если это единичный факт и совершен из мести, а убийца ранее ни в чем подобном замечен не был, некрофильского ничего здесь не будет. Убийство двух и более лиц встречалось в нашей армии, когда доведенный до отчаяния «дедами» молодой солдат убивал двоих из них, и это даже вызывало сочувствие к нему. Подобное убийство также нельзя назвать некрофильским.

Совсем иное дело некрофильские убийства.

Последний казненный в России убийца Головкин убил мальчиков 6—12 лет. Затем он же соорудил у себя в загородном доме специальный звуконепроницаемый бункер, куда обманом завлек четырех мальчиков тех же лет. Каждого из них он приковал к стене и сначала пытал их, а потом убил друг за другом на глазах остальных. Разве это похоже на ситуацию с молодым солдатом, который убил своих мучителей? Раз есть такие «люди», как Головкин, Чикатило, Кирьянов, Лукьянчук, Ершов и др. (а это лишь небольшая часть преступников — некрофилов в нашей стране), раз ими совершаются выходящие из ряда вон преступления, разве для них не должно быть особого наказания!? Если они своими поступками превосходят самые кровавые измышления, эти «люди» должны нести соразмерное наказание.

Я предлагаю внести ст. 105 УК РФ ч. 3, предусмотрев в ней следующие отягчающие обстоятельства, свидетельствующие о том, что это именно некрофильское убийство.

«Убийство, совершенное только или главным образом для лишения жизни, с исключительной жестокостью, пытками, издевательствами, садистическими действиями, убийство одной жертвы на глазах у другой, убийство нескольких людей сразу или через какие-то промежутки времени, убийства детей и подростков:

— наказываются пожизненным лишением свободы без права досрочного освобождения».

Теперь об праве досрочного освобождения. Как известно, каждый имеет право на помилование, осужденный на пожизненное лишение свободы — через 25 лет. Некрофильские убийцы никогда не должны выходить на свободу. Об этом необходимо указать в общей части УК РФ.

Наибольшие сложности, я полагаю, должны возникать при доказывании исключительной жестокости убийства, ее отличия от особой жестокости. Но точно такие же трудности возникают при отграничении особой жестокости от «просто» жестокости. Прилагательные «исключительная» и «особая» — оценочные понятия, все зависит от жертвы, обстоятельств, прижизненного ущерба и т.д. Когда гражданин западной страны в желтом балахоне перед казнью читает по бумажке обвинение в адрес своего правительства и в свой собственный, а за его спиной стоит палач — это особая жестокость. То же, что творили Головкин и Чикатило, — исключительная, запредельная.

Необходимо сказать и о некрофильских личностях, признанных невменяемыми. Полагаю, что их надо помещать в психиатрический стационар специализированного типа, с интенсивным наблюдением — пожизненно. Конечно, предусмотреть это в Общей части УК России.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. — М., 1994.

Материал поступил в редакцию 21 января 2016 г.

NECROPHILUOS MURDERERS

ANTONYAN Yurii Miranovich — Doctor of Law, Professor of the Moscow Region State University, Honoured science worker of the RF
antonyaa@yandex.ru.
105005, Russia, Moscow, Radio Str., 10A.

Review. *The article is devoted to crimes that in fact have not been considered as an object of independent study in domestic science. These are necrophilous murders and necrophilous murderers. These murders are committed by those who love death, see it as a continuation of their existence, and are eager to find out what it is; the death appeals to them. That is why*

they kill easily and without remorse. The other part is hidden in someone else's death. There are no statistics on such people or committed crimes, they have never been emphasized as a scientific problem. Therefore, the article presents various cases of murders which the author considers as necrophilous murders. These crimes are committed at different times by different people and in different places, but they all share a craving for death, which is unconscious in the sense that the perpetrators do not understand why they did it and what forced them to do it. Some people call some external forces that allegedly forced them to commit murders.

The analyzed charges of socially dangerous acts, the stories of those who committed them, the author's comments and evaluation leave no doubt that such necrophilous actions are in fact exist. All of this require not only defining a particular criminological category in science but also establishing particularly severe penalties. The relevant proposals are contained in the article. Their implementation may be of particular relevance in practice. Each time a task may occur whether the murder is of necrophilous character, especially if it is intertwined with other motives. A list of necrophilous features of murderers is given at the end of the article.

Keywords: *necrophilia, craving for death, fear of death, murder, necrophilous murder, murderers, simulation, the most typical features of necrophilous murderers, the motive of the necrophilous murder, the position of necrophilous murderer to the committed offense.*

BIBLIOGRAPHY

1. *Fromm, E.* The Anatomy of human destructiveness. — M., 1994.